

Особое прибавленіе къ № 20 „Русскаго Дѣла“.

ЦЕРКОВЬ, ДУХОВЕНСТВО и ОБЩЕСТВО.

(Современная потребность живаго участія народа въ дѣлахъ церковныхъ въ связи съ вопросомъ о разъединеніи духовенства и общества мірянъ).

Н. Д. Кузнецова.

Присяжнаго Повѣреннаго

Цѣна 20 к.

МОСКВА.
Т-ВО ТИПО-ЛИТОГРАФІИ И М МАШИСТОВА БОЛЬШАЯ САДОВАЯ, СОБ. ДОМЪ.
1905

Академия Наук СССР
639
37

I

Преобладающее отношеніе къ религіи и духовенству въ Западной Европѣ.—Характеристическія его черты —Вліяніе средневѣковой жизни —Взгляды, проводимые Макіавелли, философами XVIII вѣка и въ сочиненіи Дрэпера „Исторія столкновеній между религіей и наукой“ —Борьба взглядовъ относительно человѣческой природы — Соціализмъ въ его отношеніяхъ къ религіи и духовенству —Распространеніе соціалистическихъ идей въ народныхъ массахъ и вліяніе ихъ на общественное мнѣніе

Въ настоящее время Россія пробуждается какъ-бы отъ какого-то сна, сковывавшаго ея самосознаніе и самодѣятельность Въ воздухѣ носятся предвѣстники коренныхъ реформъ, необходимыхъ для пробуждающейся великой страны. Какія-бы реформы ни послѣдовали, но просыпающееся народное сознаніе едва-ли попрежнему останется равнодушнымъ и безучастнымъ къ дѣлу нашей государственной жизни. Во всякомъ случаѣ, день зарожденія въ Россіи общественной самодѣятельности можно считать наступившимъ. Въ такое время нужно желать и способствовать, чтобы пробужденіе общественнаго самосознанія и самодѣятельности коснулось и сферы религіозныхъ интересовъ Русскаго народа Здѣсь мы позволимъ себѣ обратить вниманіе на одну важную потребность въ этой сферѣ. Она выдвигается самими запросами окружающей насъ жизни и требуетъ возможно скораго удовлетворенія.

Чтобы лучше понять эту потребность, необходимо отдать себѣ возможно ясный отчетъ въ характеристическихъ чертахъ современной намъ жизни съ религіозной точки зрѣнія. Но всѣ эти черты въ большей или меньшей степени являются продуктомъ прежнихъ историческихъ движеній, съ которыми они всегда связаны и безъ которыхъ не могутъ быть достаточно поняты.

Вотъ, прошли Средніе вѣка, и отъ всего пережитаго заэто время въ сознаніи человѣчества сохранился осадокъ, въ которомъ легко различаются недовольство и даже враждебность ко всему, выступающему подъ формой церковнаго.

Исторія Среднихъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, что католическое духовенство обнаружило громадную притязательность къ господству въ мірѣ именемъ осуществленія задачъ христіанства, необычайное насиліе надъ совѣстью и мыслями людей, создавшее святую Инквизи-

цію, сильныя стремленія къ захватамъ благъ міра сего и вообще самыя разнообразныя злоупотребленія, совершавшіяся въ интересахъ духовенства, какъ отдѣльнаго отъ прочихъ людей привилегированнаго класса. Извѣстно, напримѣръ, допущеніе духовенствомъ, такъ называемаго, pia fraus (благочестиваго обмана).

Существованіе „благочестиваго обмана“ и его поводы констатированы даже самимъ Латеранскимъ соборомъ 1215 года. Въ протоколѣ этого собора прямо сказано, что въ большей части мѣстъ употребляются обыкновенно ложныя легенды и ложные документы, чтобы обманывать вѣрныхъ съ цѣлью получить деньги .. Или вотъ, что свидѣтельствуетъ исторія по вопросу объ отпущеніи грѣховъ путемъ индульгенцій и объ основаніяхъ къ ихъ выдачѣ: первая общая индульгенція была дана папой Григоріемъ VII во время борьбы съ Генрихомъ IV, когда папа объявилъ, что всѣ ставшіе на его сторону противъ Генриха получатъ полное отпущеніе грѣховъ.

Подъ вліяніемъ опытовъ средневѣковой жизни въ сознаніе человѣчества легко стали находить себѣ доступъ такія мысли о духовенствѣ, какими наполнены, напримѣръ, извѣстная книга „Похвала Глупости“ Эразма Роттердамскаго, и вообще идеи гуманистовъ.

Эразмъ подчеркиваетъ, что имущественный интересъ играетъ важную роль въ дѣйствіяхъ католическаго духовенства. Оно, по выраженію Эразма, сражается за церковные доходы мечами, копьями, камнями и всѣми другими видами оружія, къ книгамъ-же обращается только за тѣмъ, чтобы тамъ отыскать какой-либо текстъ, которымъ можно было-бы устрашить чернь и заставить ее платить болѣе десятины, а что тамъ написано объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ народу, того они и знать не хотятъ.

Все это, какъ извѣстно, и вызвало глубокое реформаціонное движеніе, навсегда закрѣпившее въ сознаніи человѣчества мысли о нетерпимости и своекорыстіи духовенства, о его наклонности къ обскурантизму и объ опасности для общества отъ господства духовенства.

Подобныя мысли и чувства, возбуждаемыя духовенствомъ и его дѣятельностью, мало-по-малу стали переноситься въ сознаніи многихъ и на самую христіанскую религію. Средневѣковыя упорныя стремленія католическаго духовенства подчинить Церкви во имя ея господства въ мірѣ государство и на всѣ проявленія человѣческой жизни наложить свою опеку, естественно, должны были при первой возможности вызвать болѣе или менѣе сильную реакцію. Омрщеніемъ своихъ цѣлей и дѣйствій духовенство закрыло передъ сознаніемъ большинства высоту и самодостаточность религіозныхъ началъ жизни, вытекающихъ изъ потребностей нашей природы. Съ наступленіемъ новаго времени при реакціи противъ господства Церкви и подъ влія-

ніемъ пережитой съ нею борьбы изъ-за преобладанія въ мірѣ эти религіозныя начала оказались на второмъ планѣ, а центръ жизни и человѣческихъ интересовъ былъ перенесенъ на государство, за которымъ теперь былъ признанъ высшій авторитетъ и безусловное верховенство во всѣхъ проявленіяхъ жизни Поэтому. естественно, что и церковную жизнь, а съ нею и самую религію, стали подчинять цѣлямъ государственнымъ и смотрѣть на нихъ съ политической точки зрѣнія, во имя которой многіе начали и оправдывать только лишь *допущеніе* религіи. Пользованіе со стороны католицизма религіозными интересами въ своихъ собственныхъ цѣляхъ, естественно, могло натолкнуть на это и представителей государственнаго начала, лишь только побѣда оказалась на ихъ сторонѣ. Взглядъ на религію, какъ на политическое средство, многіе могли оправдывать указаніемъ на дѣйствія самого духовенства, обнаруженныя имъ въ разгарѣ борьбы съ государствомъ

Выразителемъ подобнаго направленія мыслей является, напримѣръ, крупный и вліятельный политическій писатель XVI вѣка Макіавелли Чтобы показать, какъ нужно поступать въ политикѣ, Макіавелли написалъ „Разсужденія на первыя три книги Тита Ливія". По вопросу о религіи здѣсь указывается, что ее нужно считать хорошимъ средствомъ для поддержанія порядка и спокойствія въ государственной жизни и даже для начальствованія войскомъ. „Гдѣ есть религія, замѣчаетъ авторъ,—тамъ легко водворить военную дисциплину".

По разъясненію Макіавелли, не было ни одного законодателя и вообще основателя новыхъ учрежденій, который не ссылался-бы на Бога, потому что иначе учрежденія его были-бы отвергнуты. Ссылкой на Бога мудрые люди придаютъ авторитетъ своимъ дѣйствіямъ. Правители должны заботиться о сохраненіи основаній своей національной религіи и черезъ поддержаніе религіозности способствовать согласію и порядку, хотя-бы все благопріятствующее религіи они считали обманомъ и ложью Чѣмъ болѣе они мудры и свѣдущи въ познаніи природы, тѣмъ болѣе обязаны поступать такъ. Этимъ путемъ, по мнѣнію автора, возникла вѣра въ чудеса, которыя почитаются во всѣхъ религіяхъ, даже ложныхъ. Откуда-бы ни возникла эта вѣра, мудрые всегда ее поддерживаютъ, а ихъ авторитетъ внушаетъ довѣріе остальнымъ

Матеріалъ, доставленный исторіей для образованія указанныхъ взглядовъ на духовенство и религію, на протяженіи XVIII вѣка сталъ получать уже философскую обработку и обоснованіе и приводить къ положеніямъ тогдашней философіи, оказавшимъ значительное вліяніе на человѣчество въ направленіи отрицательнаго отношенія къ религіи и духовенству.

Философы XVIII вѣка очень содѣйствовали распространенію

взглядовъ на религію, какъ на нѣчто поддерживаемое интересами правительствъ, невѣжествомъ народовъ, своекорыстіемъ и обманами духовенства.

Существованіе религіи они могли допускать лишь во имя политическихъ цѣлей Наиболѣе популярный и доступный массѣ философъ Вольтеръ прямо заявляетъ: „Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer". Религія въ его глазахъ являлась нужной для сдерживанія буйныхъ порывовъ черни. Подобно этому, напр., и Дидро признавалъ необходимость религіи для народныхъ массъ, какъ средства удержанія ихъ отъ безумія, а храмы представлялись ему чѣмъ-то въ родѣ предохранительныхъ клапановъ противъ разрушительныхъ взрывовъ фанатическихъ народныхъ страстей. Установленію отношенія къ религіи съ политической точки зрѣнія много способствовалъ Монтескье. Въ сочиненіи „О духѣ Законовъ", по вопросу о праздникахъ, религія, по мнѣнію Монтескье, предписывая прекращеніе работъ, должна имѣть въ виду болѣе нужды народныя, чѣмъ величіе обожаемаго Существа.

Точно такъ-же по вопросу объ истинности или ложности религіознаго ученія авторъ внушаетъ, что истинные и святѣйшіе догматы могутъ имѣть весьма вредныя послѣдствія, когда они не соединены съ основными началами общества, а напротивъ того, догматы самые лживые могутъ имѣть превосходныя послѣдствія, когда они хорошо соображены съ этими началами.

Подрывая значеніе религіи разными способами и особенно сведеніемъ ея къ политическому средству, философы XVIII вѣка жестоко нападали и на духовенство Почерпая матеріалъ изъ исторіи церковной жизни, они выставляли духовенство, какъ носителей обскурантизма, корыстолюбія и всякаго обмана.

Указанныя идеи, какъ извѣстно, имѣли для себя хорошую почву въ тогдашнемъ недовольствѣ существующимъ порядкомъ вещей какъ государственнымъ, такъ и церковнымъ, и въ стремленіи къ лучшему.

Онѣ легко получили большое распространеніе въ массахъ, тѣмъ болѣе, что, наприм., Вольтеръ съ немалымъ искусствомъ проводилъ ихъ во всѣхъ родахъ литературы: разсужденіяхъ, стихахъ, романахъ и т. п. Благодаря всему этому, отрицательное отношеніе къ религіи пріобрѣтало какъ-бы видъ законности и нѣкоторой обоснованности и въ такомъ видѣ вошло, какъ составной элементъ, въ то, что можно назвать духомъ вѣка просвѣщенія.

Съ наступленіемъ XIX столѣтія отрицательное отношеніе къ религіи не только не ослабѣло въ качествѣ составнаго элемента духа новаго вѣка, но сдѣлалось въ немъ еще болѣе крѣпкимъ и глубокимъ.

Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ обнаруженій отношенія къ религіи людей XIX вѣка можетъ служить пользующееся большимъ распространеніемъ сочиненіе „Исторія столкновеній между религіей и наукой“, принадлежащее Джону Вильяму Дрэперу, автору еще ранѣе изданнаго извѣстнаго труда „Исторія умственнаго развитія Европы“.

По вопросу объ отношеніи религіи и науки Дрэперъ, повидимому, преимущественно лишь систематизировалъ и болѣе развилъ разныя соображенія и взгляды, въ томъ или иномъ видѣ существовавшія и до него, и черезъ это сдѣлалъ ихъ болѣе способными вліять на общественное сознаніе. Въ сочиненіи Дрэпера наука выставлена, какъ истина, гонимая религіей, и при столкновеніи съ религіей, благодаря своей истинности, выходящая побѣдительницей. Посмотрите, какъ-бы хочетъ сказать авторъ, ссылаясь при этомъ на исторію, насколько важны, напримѣръ, въ дѣлѣ изученія строенія міра труды Коперника и Галилея, а вотъ сочиненіе Коперника „Объ обращеніи небесныхъ тѣлъ“, отрывшее человѣчеству новые горизонты, осуждается духовной Инквизиціей, какъ еретическое, вносится въ списокъ запрещенныхъ книгъ, объявляется ложнымъ и противнымъ св. Писанію. А знаменитый Галилей, — напоминаетъ Дрэперъ, — еще при жизни послѣ изданія своей „Системы міра“ путемъ насилія привлекается къ трибуналу святой Инквизиціи. Здѣсь ему объявляютъ, что онъ подлежитъ наказанію за ересь, долженъ отречься отъ своихъ мнѣній и проклясть ученіе о движеніи земли, а потомъ его заключаютъ въ самую мрачную тюрьму. Или, вотъ еще печальная судьба Джіордано Бруно: Инквизиція всячески преслѣдовала Бруно за его астрономическія и философскія мнѣнія. Его не одинъ разъ заключали въ тюрьму. Наконецъ, отлучили отъ Церкви и послѣ отказа отречься отъ своихъ ученій сожгли въ Римѣ на кострѣ.

Подъ вліяніемъ такихъ описаній чувства читателя дѣйствительно возмущаются. Но, вмѣсто обращенія этихъ чувствъ исключительно противъ невѣжества и изувѣрства тогдашняго католическаго духовенства и народа, они какъ-то незамѣтно направляются противъ самой религіи и духовенства вообще. Среди этихъ-то возмущающихъ чувствъ авторъ и старается привести читателя къ прямо-высказываемому имъ положенію, что „невѣжество есть мать благочестія, а знаніе есть сила“. Мысль, поддержанная въ насъ соотвѣтствующимъ чувствомъ, конечно, укореняется скорѣе и сильнѣе. Въ подготовленную такимъ образомъ голову читателя Дрэперъ, какъ-бы мимоходомъ, бросаетъ еще очень опасную мысль, будто духовенству просто выгодно учить религіи. Проповѣдуя, напримѣръ, о вмѣшательствѣ Бога въ дѣла міра, духовенство объявляетъ себя посредникомъ между Богомъ и людьми и за это получаетъ деньги. Поэтому, по мнѣнію Дрэпера, оно естественно должно неблагопріятно смотрѣть на ученіе объ управленіи

вселенной неизмѣнными законами. Вѣдь это можетъ уменьшить важность и значеніе духовенства. Соображеніе свое о выгодности для духовенства держаться религіи Дрэперъ подтверждаетъ доставляемыми исторіей свѣдѣніями о корыстолюбіи католическаго духовенства и стремленіи его захватить для своей корпораціи какъ можно больше всякихъ земныхъ благъ.

Проводимые Дрэперомъ взгляды на религію и духовенство въ теченіе XIX вѣка, можно сказать, уже вошли въ сознаніе значительной части цивилизованнаго человѣчества. Въ той или другой формѣ о нихъ часто приходится слышать или читать въ Европѣ, причемъ люди уже не сознаютъ, что они откуда-то навѣяны, а считаютъ ихъ какъ-бы своими собственными.

Другой весьма характерной чертой нашего времени, какъ наслѣдіе прошлаго столѣтія, является колебаніе и борьба взглядовъ относительно самой человѣческой природы. Идеи и чувства, группирующіяся около сочиненія Дрэпера, направлены противъ религіи и духовенства скорѣе взятыхъ самихъ по себѣ. Но вмѣстѣ съ этимъ на протяженіи XIX вѣка ясно выступило стараніе подрывать значеніе или, по крайней мѣрѣ, повергнуть въ сомнѣніе почти всѣ высшія стремленія и идеальныя потребности человѣческой природы, то, что принято называть въ насъ божественной искрой, и что составляетъ необходимые элементы и психологическія основанія въ дѣлѣ религіозной жизни. Среди человѣчества нужно признать существованіе великой борьбы изъ-за основныхъ началъ, вопросовъ и формъ жизни, какой ранѣе человѣчество, повидимому, еще и не переживало. Съ одной стороны, борьба эта происходитъ въ сферѣ вопросовъ какъ-будто далекихъ отъ обыкновеннаго житейскаго быта и потребностей текущей жизни. Есть-ли духовное начало въ человѣческой природѣ и какова его роль? На чемъ держатся основанія нравственности и гдѣ искать идеала для жизни? Въ чемъ начальныя и конечныя причины? Что такое религіозная потребность? и проч. Вотъ вопросы, которые должны осмыслить нашу жизнь и которые мы, какъ существа разумныя, не можемъ не ставить передъ собою. Для многихъ вопросы эти представляются неважными для жизни и какими-то отвлеченными, на которыхъ достаточно останавливаться лишь слегка и въ самыя свободныя минуты, почти совершенно забывая о нихъ среди ежедневной дѣятельности. Между тѣмъ, подъ видомъ этихъ вопросовъ дѣло идетъ о сущности и направленіи всей человѣческой жизни, о томъ, чѣмъ мы живемъ и движемся, о нашихъ цѣляхъ, надеждахъ, привязанностяхъ, отношеніяхъ къ самимъ себѣ и всему окружающему. Нужно быть достаточно ограниченнымъ, чтобы не убѣдиться, что даже вопреки нашей воли то или иное отношеніе къ этимъ вопросамъ рано или поздно отразится на всей нашей жизни и практической дѣятель-

ности. Вѣдь вопросами этими выражается наше пониманіе человѣческой жизни, а пониманіе это, хотя-бы и не было высказано явно, въ скрытой формѣ постоянно проникаетъ наши сужденія и поступки И вотъ, всѣ эти важнѣйшіе вопросы, подсказываемые нашей разумной природой, оказываются теперь въ спорѣ, и по поводу нихъ самыми разнообразными путями идетъ борьба. Въ разгарѣ этой борьбы мы не слышимъ грома выстрѣловъ, ударовъ оружія, нашъ взоръ не поражаютъ истекающіе кровью раненые и изуродованные мертвые Невидно и тихо совершается эта борьба. Она является тѣмъ ужаснѣе и опаснѣе, что большинство, погруженное въ интересы обыденной жизни или вовсе не замѣчаетъ ее, или остается къ ней спокойнымъ, а вслѣдствіе этого при случаѣ оказывается не въ силахъ въ ней устоять. Происходя въ области духа, борьба эта безшумно захватываетъ среди человѣчества все новыя и новыя жертвы И только сравнительно рѣдко до насъ достигаютъ какіе-то отдаленные и неясные ея признаки. Мы невольно чуемъ что-то совершающееся въ человѣчествѣ, то когда намъ сообщаютъ о запискѣ, оставленной самоубійцей и гласящей: „я не нахожу смысла въ жизни, а такъ жить болѣе нельзя“, то когда читаемъ о виновникахъ и несчастныхъ жертвахъ различныхъ современныхъ намъ преступленій и пороковъ. Объ этомъ-же часто свидѣтельствуетъ намъ обнаруживающіяся неустойчивость и неудовлетворенность своей личной жизнью и окружающихъ, а еще болѣе все яснѣе и яснѣе заявляющее о себѣ матеріалистическое пониманіе и направленіе жизни многихъ людей и даже уже цѣлыхъ народныхъ массъ.

Съ другой стороны, какъ-бы въ доказательство того, что борьба изъ-за высшихъ началъ жизни въ области духа не можетъ остаться безплодной и не повлять и на наши отношенія къ окружающему міру, среди человѣчества уже успѣла обнаружиться во всей ея силѣ и борьба изъ-за основныхъ формъ общественной жизни. Передъ нами выросъ безконечно-сложный соціальный вопросъ, сдѣлавшійся лозунгомъ XIX вѣка. Борьба и колебанія относительно высшихъ началъ жизни все болѣе и болѣе усиливаютъ остроту этого вопроса и способствуютъ сосредоточенію на немъ цѣлей жизни. Соціалистическія стремленія выступали въ исторіи и раньше, но они всегда служили средствомъ для какой-либо иной цѣли. За послѣдніе-же сто лѣтъ соціализмъ сталъ самоцѣлью и даже принялъ форму какой-то новой религіи. Наклонность придавать соціализму характеръ своего рода религіознаго ученія и отмѣчать его отличіе отъ христіанства начала обнаруживаться у его представителей уже давно. Извѣстно, что еще въ первой четверти XIX вѣка Сенъ-Симонъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Новое Христіанство“. Задачей его было создать новое соціальное христіанство безъ всякихъ догматовъ, но съ извѣстнымъ еще

въ древности правиломъ—любить ближняго, какъ самого себя. Коренное отличіе новаго ученія отъ христіанства указывалось въ отказѣ отъ мысли о будущей жизни и въ сосредоточеніи цѣлей жизни въ этомъ мірѣ Тѣло, — по мнѣнію Сенъ-Симона, — имѣетъ не меньшее право на наслажденіе, чѣмъ духъ. Какъ очевидно не безсмертное, тѣло должно получить свою долю уже на этомъ свѣтѣ. „Святите себя трудомъ и наслажденіемъ“,—проповѣдывалъ Сенъ-Симонъ. Онъ надѣялся, по возможности, уничтожить въ мірѣ страданія установленіемъ принципа братства и правила, чтобы каждый по мѣрѣ способности получалъ участіе въ производимыхъ общими силами благахъ міра сего. На протяженіи всего прошлаго столѣтія соціализмъ, какъ новая религія, нерѣдко открыто заявлялъ, что онъ имѣетъ цѣлью замѣнить собой и уничтожить прежнюю религію, съ которой онъ по существу непримиримъ. Усвоивъ себѣ уже достаточно проникшіе въ сознаніе человѣчества взгляды на религію, какъ на хорошее средство для поддержанія существующаго порядка, недовольный и враждебный этому порядку соціализмъ, естественно, сталъ переносить свои враждебныя чувства и на религію и стараться подрывать ея значеніе. Задача соціализма — устроить земное благоденствіе и на этомъ сосредоточить всѣ интересы человѣчества. Между тѣмъ, христіанство раскрываетъ человѣческую природу несравненно шире и глубже, развиваетъ въ людяхъ жизнь, не умѣщающуюся въ земныя отношенія и выноситъ центръ жизни изъ ограниченной сферы этихъ отношеній. Поэтому, для облегченія осуществленія своихъ цѣлей соціализму пришлось вступить въ борьбу противъ основныхъ началъ христіанства и высшихъ потребностей человѣческой природы. По свойствамъ нашей природы, соціализму для наибольшаго вліянія на массы было-бы недостаточно ограничиться одной внѣшней дѣятельностью по уничтоженію существующаго строя, но на мѣсто вытѣсняемыхъ имъ изъ сознанія людей высшихъ началъ жизни оказалось нужнымъ проводить туда свои собственныя и такимъ образомъ создать своего рода земную религію. Для изложенія своей религіи соціализмъ, конечно, не могъ отыскать какихъ-либо положительныхъ данныхъ. Вѣдь никому еще неизвѣстно, что такое долженъ представить изъ себя человѣкъ, весь разложенный на земныя отношенія, не сознающій и не чувствующій никакихъ потребностей, кромѣ стремленій и довольства земнымъ благополучіемъ. Еще болѣе темнымъ и не имѣющимъ достаточныхъ основаній въ прошломъ и настоящемъ является для насъ, къ чему поведетъ массовое преобразованіе человѣчества въ такихъ оземленѣвшихъ людей. Поэтому начала и задачи своего ученія, какъ призваннаго замѣнить прежнюю религію, соціализмъ можетъ выяснять лишь путемъ сопоставленія его съ христіанствомъ. Выхватывая изъ христіанства подходящіе элементы и выкрадывая изъ нихъ христіанскій духъ, со-

ціализмъ и создаетъ свое ученіе. Благодаря присутствію въ соціализмѣ нѣкоторыхъ положеній, напоминающихъ христіанство, къ нему въ глазахъ многихъ переходитъ и часть того уваженія, которымъ все-же не можетъ не пользоваться христіанство и особенно первыхъ вѣковъ.

Чтобы оттѣнить характеръ соціализма и способность его занять мѣсто христіанства, приверженцы соціализма стараются указать въ немъ присутствіе многихъ идей и стремленій, чисто религіозныхъ, находящихся и въ христіанствѣ, но въ соціализмѣ лишь въ совершенно новомъ пониманіи и настоящемъ освѣщеніи. Проводя параллели между христіанствомъ и новой религіей, соціалъ-демократы не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы отмѣчать въ своемъ ученіи, наприм., идею освобожденія, свойственную христіанству Но глубокую здѣсь разницу въ пользу соціализма они полагаютъ въ томъ, что христіанство стремится къ освобожденію человѣка отъ жизненныхъ скорбей путемъ мечтательнымъ, ученіемъ о невидимомъ Богѣ и Его царствѣ, населенномъ одними духами, а соціализмъ обѣщаетъ освободить человѣка дѣйствительнымъ и осязательнымъ образомъ Подобно христіанству и соціализмъ говоритъ о божествѣ, понимая подъ нимъ лишь все доброе, прекрасное и святое, и что божество это должно сдѣлаться человѣкомъ и сойти на землю, но только естественнымъ и обыкновеннымъ путемъ. Весь народъ сдѣлается сыномъ божіимъ, и на землѣ явится спаситель и небо, когда осуществится соціально-демократическая организація, потому что, поясняютъ поклонники новой религіи, только въ соціальномъ братскомъ трудѣ живетъ искупитель, который можетъ избавить насъ отъ дѣйствительныхъ золъ. Для оправданія заимствованія христіанскихъ идей соціализмъ готовъ даже признать религіозную истину за истину естественную, но только поставленную вверхъ ногами. Христіанство учитъ о созданіи людей Богомъ, но по соціализму, люди всегда создавали боговъ по своему образу Поэтому прогрессъ въ развитіи религіи состоитъ въ ея уничтоженіи. Истинную-же религію и церковь представляетъ соціальная демократія, такъ какъ она стремится къ общей цѣли освободить страждущее человѣчество отъ земныхъ бѣдствій и привести его къ доброму, прекрасному, справедливому, уже не фантастическимъ путемъ, не молитвами, желаніями и воздыханіями, но реальнымъ, дѣятельнымъ и дѣйствительнымъ путемъ посредствомъ общественной организаціи физическаго и умственнаго труда. Вотъ, какъ одинъ изъ поклонниковъ новой религіи выражаетъ ея символъ вѣры: мы вѣруемъ въ высшее существо, которое есть культивированное человѣческое общество; на его соціально-демократическомъ устройствѣ покоятся наши надежды, и только оно можетъ привести къ осуществленію любовь, о которой религіозные мечтатели доселѣ только бредили. Такимъ образомъ, со-

ціализмъ, хотя очень часто преклоняется передъ наукой и реальнымъ опытомъ, но въ концѣ-концовъ не можетъ основаться только на нихъ. Оставляя эту почву, онъ выступаетъ подъ религіозной формой, позволяющей завлекать жаждущее лучшихъ условій человѣчество въ какую-то мистическую даль, гдѣ будто-бы непремѣнно должны найти разрѣшеніе и примиреніе всѣ неравенства и противорѣчія жизни. Это новое евангеліе, какъ и называютъ его послѣдователи, само подчеркиваетъ свое коренное отличіе и несовмѣстимость съ христіанствомъ. Проповѣдь соціализма сопровождается отрицаніемъ и враждой къ христіанской религіи и имѣетъ въ своей основѣ чистѣйшій атеизмъ. Извѣстно, что Карлъ Марксъ называлъ существующую религію опіумомъ для народа, а его послѣдователи заявляли: мы не хотимъ болѣе религіи, потому что религія притупляетъ умъ.

Вѣра въ личнаго живаго Бога сторонниками соціальныхъ реформъ разсматривается, какъ начало и главная причина бѣдственнаго общественнаго положенія, а истиннымъ путемъ къ свободѣ, равенству и счастію объявляется атеизмъ. Не будетъ спасенія на землѣ, внушаютъ они, пока человѣкъ будетъ стремиться къ небу. Соціализмъ разными способами старается пріучать къ мысли, что самое наступленіе его мечтаній находится въ зависимости отъ ослабленія и уничтоженія теперешнихъ религіозныхъ стремленій въ людяхъ. Какъ только громадная масса пролетаріата, по его разъясненію, перестанетъ безпокоиться о небесномъ отечествѣ, то приблизится часъ, когда разрушится преобладаніе однихъ классовъ общества надъ другими.

Подобныя мысли, обращенныя къ людямъ, уже зараженнымъ взглядами на религію, какъ на политическое средство, и соединенныя съ постояннымъ напоминаніемъ о ихъ угнетенномъ и бѣдственномъ состояніи, отъ котораго люди жаждутъ освободиться, являются, конечно, очень опасными и соблазнительными. И въ такой-то формѣ все болѣе и болѣе и обнаруживается современный намъ антихристіанскій духъ.

Подвергая безпощадно критикѣ весь существующій строй съ его учрежденіями и раздѣленіями на классы, соціализмъ жестоко обрушивается и на духовенство, какъ на отдѣльный классъ, который въ захватѣ себѣ всякихъ матеріальныхъ благъ нисколько не уступалъ прочимъ богатымъ классамъ. Возмущенія соціализма противъ духовенства обостряются еще и тѣмъ, что своею проповѣдью христіанскихъ основъ жизни оно представляетъ сильный тормозъ для соціализма, который, какъ мы видѣли, объявляетъ себя несовмѣстимымъ съ христіанствомъ. Соціализмъ XIX вѣка съ жаромъ схватилъ уже носившіяся въ воздухѣ разныя мысли о матеріальной выгодности для духовенства, какъ отдѣльнаго класса, учить религіи, о пользованіи духовенствомъ въ политическихъ цѣляхъ для поддержанія существующаго порядка.

Эти полезныя для него мысли соціализмъ самыми разнообразными путями старается еще болѣе доказывать и развивать. Справедливость ихъ онъ поддерживаетъ, наприм., и столь распространеннымъ имъ въ наше время пониманіемъ исторіи съ точки зрѣнія классовой борьбы. Вмѣстѣ съ наступленіемъ новаго общественнаго строя духовный классъ, по ученію соціализма, долженъ погибнуть подобно прочимъ.

Всѣ эти идеи подъ разными формами проводятся въ многочисленныхъ уже соціалистическихъ газетахъ и журналахъ, и здѣсь соціализмъ нерѣдко прямо выставляется, какъ дитя атеизма и введеніе въ новый великій атеистическій періодъ культуры. Кромѣ журналовъ и газетъ, издается еще множество книгъ, брошюръ, листковъ и т. п., которые въ большомъ количествѣ наполняютъ собой магазины и склады Цюриха, Женевы, Лейпцига и друг. Среди соціалистическихъ изданій для народа можно встрѣтить, наприм., такія, какъ „Азбука знанія для мыслящихъ людей“, въ которыхъ между прочимъ затрогивается и вопросъ о безсмертіи. Для чего тебѣ, пролетарій, желать безсмертія? спрашиваетъ авторъ. Можетъ быть, чтобы бездѣйствовать и тунеядствовать на небѣ, населенномъ блаженными существами, но ты и здѣсь этого не дѣлалъ; твоя постоянная цѣль есть трудъ, вознаграждаемый наслажденіемъ, и наслажденіемъ, пріобрѣтеннымъ честнымъ трудомъ. А на небѣ,—такъ же, какъ и въ аду,—нѣтъ труда. Ни одна религія не сказала еще ни единаго слова о трудѣ на томъ свѣтѣ. Въ числѣ той-же литературы попадаются еще соціалъ-демократическія пѣсни и декламаціи, подъ формой которыхъ человѣкъ долженъ, наприм., заучивать, что жалокъ тотъ, кто силу Бога смиренно признаетъ и выражаетъ это словами и письмомъ. Кромѣ этого, поклонники соціализма не останавливаются передъ изданіемъ „Новыхъ часовъ благоговѣнія или псалмовъ въ стихахъ.“ Эти часы благоговѣнія проводятся въ чтеніи о томъ, что существующая религія выставляется коварно поддерживаемой властолюбіемъ и корыстолюбіемъ и подвергается всякаго рода осмѣянію.

Соціалистическія идеи и чувства, безъ сомнѣнія, уже значительно проникли въ народныя массы и повліяли на ихъ сознаніе. Движимые интересомъ къ изученію воззрѣній, существующихъ среди рабочихъ въ Германіи, нѣкоторыя лица въ костюмѣ рабочаго поступали на фабрики и раздѣляли съ рабочими ихъ труды и досуги. И вотъ, что свидѣтельствуютъ они на основаніи личныхъ наблюденій и непосредственныхъ своихъ впечатлѣній: отъ всего христіанства у рабочихъ сохранилось лишь глубокое уваженіе къ лицу Христа, но они признаютъ Его только за великаго соціальнаго реформатора, который религіозными средствами напрасно пытался возвратить золотой вѣкъ, къ чему стремятся и они, но съ большой надеждою на успѣхъ. Религія, по мнѣнію рабочихъ, годилась и нужна была лишь для прежняго

времени, когда люди не такъ далеко еще ушли впередъ. „Живи себѣ въ свое удовольствіе, а будущей жизни нѣтъ Человѣкъ, что зажженная свѣча: сгоритъ и останется отъ нея только пепелъ“ На вопросъ, зачѣмъ-же пасторы проповѣдуютъ христіанство, рабочіе отвѣчали: затѣмъ, чтобы люди оставались бѣдняками и глупцами — и были бы этимъ довольны. Подобно этому, замѣчаетъ наблюдатель жизни рабочихъ, думаютъ болѣе благоразумные, ищущіе истины; но болѣе радикальные, особенно изъ числа молодыхъ, выражались грубо и даже богохульно. Такимъ образомъ, мало-по-малу, уже создается новое воззрѣніе народныхъ массъ, которое въ свою очередь способствуетъ завлеченію въ кругъ соціалистическихъ идей все большаго и большаго числа людей и тысячами путей воздѣйствуетъ и на общественное мнѣніе. Представляя изъ себя совокупность ходячихъ въ данное время сужденій, чувствованій и желаній, общественное мнѣніе является въ человѣчествѣ великой силой, передъ которой часто дрожитъ какъ листъ и нѣмѣетъ каждый отдѣльный человѣкъ. Кому не извѣстно, какъ гнутся обыкновенно люди подъ напоромъ общественнаго мнѣнія, и какую ясность мысли и силу духа нужно бываетъ имѣть, чтобы не поддаться его чуть-ли не гипнотическому внушенію!

Кромѣ того, говоря о состояніи народнаго сознанія, нужно принять во вниманіе данныя, устанавливаемыя психологіей массъ. При внушеніи мысли собранію или толпѣ чувство, соединенное съ мыслью и распространяющееся вмѣстѣ съ нею, не остается однимъ и тѣмъ-же, но при распространеніи дѣлается болѣе напряженнымъ, растетъ какъ-будто въ нѣкоторой геометрической прогрессіи, и то, что составляло въ душѣ внушителя умѣренное желаніе, осторожное мнѣніе или подозрѣніе, пріобрѣтаетъ въ массахъ характеръ страсти, непоколебимаго убѣжденія, ненависти и фанатизма. Нетрудно вообразить теперь, какое дѣйствіе должны производить на народныя массы антирелигіозныя идеи и соединенныя съ ними подозрѣніе и вражда къ духовенству, которыя къ тому-же выставляются, какъ необходимое условіе ускоренія въ наступленіи лучшаго и болѣе справедливаго строя. Самыя идеи, тысячами способовъ преломляясь и разжижаясь въ умахъ людей, теряютъ свою ясность и логическую связь съ своими основаніями. Соединенныя-же съ ними чувства подозрѣнія и вражды, поддержанныя кромѣ того нуждой и недовольствомъ, существующимъ подъ вліяніемъ перехода въ массы и вслѣдствіе ослабленія ясности самихъ идей, усиливаются и обращаются уже въ полное недовѣріе и даже ненависть. Все это, кромѣ того, пріобрѣтаетъ въ массахъ полусознательный характеръ трудно искоренимой привычки. Каждый отдѣльный человѣкъ обыкновенно оказывается даже не въ состояніи отдать ясный отчетъ въ происхожденіи своихъ мыслей и чувствъ. Они всплываютъ откуда-то изъ глубины души, какъ-бы помимо воли, и признаются за свои собственныя

Такимъ образомъ, для уясненія себѣ современнаго отношенія къ религіи, преобладающаго въ цивилизованной части человѣчества, къ существованію указанныхъ ранѣе взглядовъ на религію, какъ на нѣчто связанное съ невѣжествомъ и какъ на политическое средство, задерживающее притомъ наступленіе лучшихъ условій жизни, нужно присоединить враждебность къ духовенству и недовѣріе къ искренности его дѣятельности.

II.

Отношеніе къ Церкви и духовенству русскаго общества—Петръ Великій —Вліяніе на церковную реформу Петра прежнихъ условій жизни —Проведеніе политическихъ цѣлей въ церковное управленіе и въ отношеніе духовенства и народа —Затемненіе въ сознаніи общества идеи христіанскаго духовенства — Вліяніе въ Россіи философіи XVIII вѣка —Взгляды Фонъ-Визина, кн Щербатова, Болтина —Обнаруженіе себя духовенствомъ въ качествѣ слугъ государства и охранителей существующаго порядка —Европейскія и соціалистическія идеи о религіи и духовенствѣ находятъ почву и въ Россіи — Разъединеніе духовенства и общества и объясненіе этого со стороны духовенства.

Пока мы говорили собственно о Западной Европѣ, въ которой и вырабатывается направленіе человѣческой культуры. Но все сказанное о Европѣ примѣнимо и къ намъ. Со временъ Петра умственную жизнь Россіи нужно считать неразрывно связанной съ общеевропейской. Движенія, идеи, охватывающія Европу, и направленія, которыя получала въ ней культура, не могли болѣе или менѣе не отражаться и у насъ. Несмотря на всевозможные способы, придумываемые для огражденія Русскаго народа отъ зловредныхъ помышленій, Россія, какъ показываетъ исторія и современный опытъ жизни, конечно, далеко не осталась безъ воздѣйствія со стороны Европы. Мысль все равно, что вольная птица, и никакой хитроумный бюрократъ или способный жандармъ не въ состояніи удержать ее на границѣ.

Но, кромѣ того, 200 лѣтъ назадъ для ознакомленія Россіи съ европейской культурой, какъ извѣстно, отправился самъ Царь. Въ это время въ Европѣ верховенство уже перешло къ началу государственному и уже сдѣлала свое дѣло реформація, какъ протестъ противъ клерикализма и разныхъ злоупотребленій католическаго духовенства. Кромѣ того, тамъ успѣли уже достаточно распространиться и взгляды на религію съ политической точки зрѣнія. Петръ, старавшійся возможно ближе узнать Европу, конечно, не могъ избѣгнуть вліянія разныхъ ея идей. Онъ скоро-же почувствовалъ, наприм , расположеніе къ Лютеру, около имени котораго сосредоточивались всѣ идеи реформаціи При видѣ въ Виттенбергѣ памятника Лютеру, Петръ не могъ не замѣтить: „сей мужъ подлинно заслужилъ памятникъ, онъ на папу и на все его воинство столь мужественно наступилъ для вели-

чайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣе прочихъ".

Но значительному дѣйствію на государя европейскихъ идей о религіи и духовенствѣ должны были помогать и впечатлѣнія, вызванныя у него обстоятельствами русской церковной жизни. У Петра было еще достаточно сильно и свѣжо воспоминаніе о притязаніяхъ главы русскаго духовенства, патріарха Никона, и объ отношеніяхъ патріарха къ его отцу и дѣламъ государства. Петръ, конечно, хорошо зналъ стремленія Никона поставить духовенство совершенно независимо отъ государственной власти и его мнѣніе, что священство выше царства. Государь, конечно, не могъ забыть чисто клерикальную и даже высокомѣрную критику Никона на Уложеніе Алексѣя Михайловича по вопросу о правахъ духовенства, и долженъ былъ помнить содержаніе разныхъ жалобъ на Никона его отцу, въ которыхъ указывалось, что „патріархъ возлюбилъ стоять высоко и ѣздить широко" При сознаніи важности государственнаго начала въ жизни народа у Петра, ревниво оберегавшаго это начало, патріаршество стало сближаться съ папствомъ, а церковная жизнь стала представляться требующей подчиненія и полнаго контроля со стороны государства. Къ этому должны были располагать Петра и существовавшія тогда въ Россіи отношенія между Церковью и государствомъ, которыя были слишкомъ перепутаны. Часто совершенно нельзя было разобрать область правъ церковныхъ и государственныхъ. Духовная власть въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ проявляла себя въ дѣлахъ гражданскихъ До XVIII вѣка Церковь имѣла громадное юридическое и политическое значеніе въ жизни Русскаго народа и государства. Извѣстно, что въ области Церкви на основаніи ея обширныхъ владѣльческихъ правъ, грамотъ и разныхъ узаконеній создался даже особый гражданскій судъ, который вызывалъ неудовольствіе въ народѣ. Свѣтскія лица по дѣламъ гражданскимъ оказывались подсудны церковному суду, а благодаря значительнымъ привилегіямъ и большимъ имуществамъ Церкви, очень много людей находились въ матеріальной отъ нея зависимости. Насколько далеко шло вмѣшательство духовной власти въ дѣла чисто мірскія во времена самого Петра хорошо рисуетъ, наприм., одно извѣстіе, приводимое Соловьевымъ въ его исторіи. По вопросу о продажѣ въ Россіи табаку англійскіе купцы выразили опасеніе, не будетъ-ли патріархъ сопротивляться табачной продажѣ. „Не опасайтесь, замѣтилъ имъ Петръ, я дамъ объ этомъ указъ и постараюсь, чтобы патріархъ въ табачныя дѣла не мѣшался, онъ при мнѣ блюститель только вѣры, а не таможенный надзиратель".

Ко всему этому нужно добавить, что самый церковный укладъ русской жизни долженъ былъ придавать патріарху особое значеніе. Поэтому не удивительно, что въ Духовномъ Регламентѣ, ст.7, прямо отмѣ-

чено, что для властолюбивыхъ духовныхъ лицъ народъ представляетъ хорошую почву и при распрѣ между государственной и духовной властью онъ скорѣе станетъ на сторону духовнаго правителя, прельщая себя, что этимъ онъ по самомъ Богѣ поборствуетъ и руки свои не осквернитъ, но освятитъ, хотя-бы устремился и на пролитіе крови.

Кромѣ того для лучшаго пониманія происшедшаго историческаго процесса въ русской церковной жизни не слѣдуетъ забывать, что церковная жизнь въ Россіи, несмотря на столь громадное значеніе въ государствѣ церковнаго начала и существованія патріаршества, все-же пришла ко времени Петра въ положеніе, взывавшее о необходимости реформъ. По свидѣтельству исторіи, въ русскую церковную жизнь вкралось очень много неустройствъ, безпорядковъ и злоупотребленій духовенства, которыя грозили большими опасностями и давали поводъ къ прямымъ соблазнамъ и отпаденіямъ отъ Церкви. Въ теченіе XVII вѣка въ Россіи появилось, напр., много подложныхъ мощей и чудотворныхъ иконъ. Сказуютъ, утверждаетъ уставъ Духовной коллегіи въ ст. 8, что нѣціи архіереи для вспомоществованія церквей убогихъ или новыхъ построенія повелѣвали пріискивать явленіе иконы въ пустынѣ или при источницѣ и икону оную за самое обрѣтеніе свидѣтельствовали быти чудотворную". Князь Щербатовъ, разсуждая въ своемъ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ въ Россіи" по поводу реформъ Петра, долженъ былъ замѣтить, что чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суевѣрное богомоліе и дѣлали доходы развратнымъ священнослужителямъ. Петръ, по мнѣнію Щербатова, и старался положить преграду ложнымъ чудесамъ и явленіямъ. Очень безпорядочная жизнь самого духовенства, его крайнее невѣжество, его нерадѣніе и безпечность не только къ пастырскимъ, но и къ обыкновеннымъ христіанскимъ обязанностямъ, лишнее проявленіе въ немъ интересовъ матеріальныхъ—все это засвидѣтельствовано многими историческими данными, и даже такимъ лицомъ, какъ св. Дмитрій Ростовскій, а затѣмъ Посошковымъ и друг. По свидѣтельству Духовнаго Регламента, передъ совершеніемъ требы или таинства духовенство обыкновенно начинало торговаться съ прихожанами, стараясь взять побольше, хотя-бы это было и не легко для дающихъ. При совершеніи-же, наприм., таинства покаянія многіе священники „передъ св. Крестомъ и Евангеліемъ съ безстыднымъ нахальствомъ старались домогаться чего-либо у своихъ духовныхъ дѣтей и, такимъ образомъ, св. таинство употребляли въ средство для достиженія своихъ низкихъ, корыстныхъ цѣлей". Подъ вліяніемъ такого положенія дѣлъ много россійскаго народа, какъ утверждаетъ Посошковъ, отъ пресвитерскаго небреженія въ погибельныя ереси уклонилось. Въ Великомъ Новгородѣ едва и сотая часть найдется древняго благочестія державшихся. А пресвитеровъ, хотя и много въ

городѣ, однако не пекутся, чтобы отъ такой погибели ихъ отвратить и на правый путь направить.

Поэтому естественно, что въ указѣ 25 января 1721 года объ учрежденіи Духовной Коллегіи Петръ прямо высказывалъ, что, въ виду тогдашняго положенія церковныхъ дѣлъ, онъ по совѣсти и изъ страха отвѣтственности предъ Богомъ положенъ приступить и къ исправленію „чина духовнаго“.

Казалось-бы, при такихъ условіяхъ духовенству нужно было не противиться реформамъ, а желать ихъ и стараться разъяснить передъ государемъ духъ и задачи Христіанской Церкви и назначеніе духовенства. Но, къ несчастью, вышло иначе. Даже реформы чисто гражданскія и житейскія, не касающіяся Церкви, встрѣтили осужденіе духовенства и притомъ во имя соблюденія будто-бы законовъ самого Бога. Такое пользованіе высшими законами для оправданія своихъ мнѣній и существующихъ порядковъ въ мірской жизни является, какъ извѣстно, очень опаснымъ, способнымъ помрачать въ людяхъ сознаніе христіанской истины и подрывать довѣріе къ дѣятельности духовенства.

Довольно характернымъ проявленіемъ этого можетъ служить посланіе къ русскому народу, современника Петра, патріарха Адріана, противъ брадобритія. „Неужели хотите вы, восклицалъ патріархъ, уподобиться скотамъ безсмысленнымъ или смѣшаться съ еретиками, которые въ такую глубину впали, что не только простые и благородные, но и монахи стригутъ бороду и усы и отъ того видятся подобно пификамъ или обезьянамъ? Взгляните на икону Страшнаго Суда, не видите-ли одесную Христа праведныхъ, украшенныхъ брадою, а ошую бесерменовъ, лютеровъ, поляковъ и другихъ брадобритниковъ съ одними усами, подобно котамъ и псамъ. Вотъ куда ведетъ васъ мнимая красота ваша. Брадобритіе, поучалъ патріархъ, не только есть безобразіе и безчестіе, но и грѣхъ смертный. Проклято бо сіе есть блудозрѣлищное неистовство отъ прежде бывшихъ святѣйшихъ патріарховъ, которымъ и мы согласуемся, то-же установляя и подтверждая“. Далѣе Адріанъ свидѣтельствуетъ, что брадобритіе было осуждено патріархомъ Филаретомъ. Это псовидное безобразіе онъ проклялъ на соборѣ. Такое отношеніе къ бородѣ было подтверждено и патріархомъ Іосифомъ. Такимъ образомъ, всѣ брадобрійцы духовной властью отлучены отъ Церкви и лишены архіерейскаго благословенія. Если-же кто послѣ сего запрещенія дерзнетъ брить бороду, того святые отцы повелѣли предавать анаѳемѣ. „Не принимайте-же сего злодѣйскаго знаменія, продолжалъ патріархъ, но гнушайтесь имъ, какъ нѣкою мерзостью, ибо не раскаявшимся брадобрійцамъ по опредѣленію соборному входъ въ церкви возбраненъ и причастія св. тайнъ они лишены. Если кто изъ нихъ умретъ, не раскаявшись, не подобаетъ надъ тѣмъ

быти ни христіанскому погребенію ни въ церковныхъ молитвахъ поминовенію. И живъ сый, противляйся закону Божію, гдѣ станетъ онъ на Страшномъ Судѣ съ праведными, украшенными брадою или съ еретиками брадобрійцами,—сами разсудите".

Изъ содержанія посланія видно, что его можно разсматривать, какъ выраженіе отношенія къ данному вопросу всего русскаго духовенства той эпохи. Если брадобритіе есть смертный грѣхъ, противленіе закону Божію, то не способствуетъ-ли это ученіе искаженію христіанскаго пониманія грѣха, хотя-бы противъ брадобритія состоялось распоряженіе самого патріарха и даже соборное опредѣленіе? Если-же считать, что грѣхъ брадобритія образовался послѣ соборнаго опредѣленія и сущность его переносится уже въ неповиновеніе законной духовной власти, то вѣдь одновременно должно было имѣть силу повелѣніе государственной власти брить бороду. Очевидно, сбитому съ толку русскому человѣку нужно было еще рѣшить, въ вѣдѣніи какой власти, духовной или свѣтской, должна состоять его борода, чтобы не совершить грѣха ослушанія той или другой.

Преобразованія Петра грозили вообще измѣнить весь прежній строй жизни, при которомъ духовенство пользовалось большимъ значеніемъ. Духовенство стало во главѣ недовольныхъ и въ той или другой степени обнаружило свое участіе въ явныхъ и тайныхъ противодѣйствіяхъ государю, не исключая и стрѣлецкаго бунта. Оно оказалось замѣшаннымъ и въ дѣлахъ царевича Алексѣя, Лопухиной и друг. Подъ вліяніемъ желанія отстоять прежній строй жизни, а, можетъ быть, и свои интересы, духовенство не остановилось даже передъ тѣмъ, чтобы доказывать, что Петръ—антихристъ, о чемъ заявляло не только низшее духовенство, но и архіереи Поэтому вполнѣ естественно неоднократное восклицаніе государя: „О бородачи! отецъ мой имѣлъ дѣло только съ однимъ, а мнѣ приходится имѣть дѣло съ тысячами, многому злу корень старцы и попы".

Всѣ эти обстоятельства, конечно, еще сильнѣе располагали Петра не только принять мѣры противъ возможности развитія въ Россіи клерикализма, но и подчинить противуборствующее ему духовенство цѣлямъ государственнымъ, безъ чего Петръ, естественно, не считалъ возможнымъ и вѣрнымъ проведеніе своихъ реформъ вообще и исправленіе разныхъ нестроеній въ церковной жизни. Преобладаніе въ отношеніяхъ государя къ дѣламъ церковнымъ государственной точки зрѣнія могло быть вызвано въ извѣстной степени и самымъ затемнѣніемъ въ его сознаніи истиннаго назначенія Христіанской Церкви подъ вліяніемъ европейскихъ идей, впечатлѣній отъ указанныхъ ненормальностей русской церковной жизни и противодѣйствій со стороны духовенства его реформамъ именемъ христіанства.

Кромѣ того отмѣченныя обстоятельства церковной жизни и от-

рицаніе духовенствомъ столь необходимыхъ во всемъ строѣ жизни реформъ не могли не внести начала отчужденія между свѣтскимъ обществомъ и духовенствомъ. Неумѣнье, а можетъ быть и нежеланіе, освѣтить эти реформы широтой христіанскаго взгляда повело къ тому, что многіе перестали видѣть въ духовенствѣ пастырей, за которыми нужно идти, а стали смотрѣть на нихъ, какъ на сторонниковъ обскурантизма и приверженцевъ своихъ собственныхъ интересовъ. Представителемъ такого направленія мыслей является историкъ Татищевъ, котораго можно разсматривать какъ выразителя идей своей эпохи. Въ своей „Исторіи Россійской“ Татищевъ старается установить, что обскурантизмъ и своекорыстіе составляютъ постоянную принадлежность духовенства. По его мнѣнію, еще въ древности, какъ только прошли гоненія и даны были привилегіи Церкви Константиномъ Великимъ, духовенство вскорѣ-же начало пренія и распри о преимуществахъ, чести и власти. Властолюбіе духовенства Татищевъ усматриваетъ и въ древней Руси. Послѣ татарскаго погрома власть княжеская ослабѣла и духовенство, угася науки и утопя народъ въ суевѣріи, толикую власть получили, что ихъ народъ болѣе великихъ князей почиталъ. Для духовенства, полезнѣе явилось народъ въ темнотѣ невѣденія и суевѣрія держать. Хитрые-же и любоимѣніемъ побѣжденные духовные суевѣрному и невѣдущему закона Божія народу толковали, яко, что попу или въ монастырь дать, равно какъ Богу дать“.

Еще тягостнѣе, по замѣчанію историка, когда слышимъ изъ устъ духовенства преданія и узаконенія человѣческія, вымышленныя для своихъ лакомствъ, и передаваемыя за нѣчто ко спасенію нужное [1]). Правда, Татищевъ посѣщалъ Европу и легко могъ поддаться вліянію уже распространившихся тамъ взглядовъ на духовенство. Но, кромѣ того, на него не могли не повліять и переживаемыя имъ обстоятельства русской жизни, въ которыхъ онъ могъ находить подтвержденіе и идеямъ, вынесеннымъ имъ изъ Европы. Взгляды Татищева на духовенство, конечно, не были чужды и Петру и, мало-по-малу, стали входить въ сознаніе реформированнаго русскаго общества и, какъ мы увидимъ, раздѣлялись и послѣдующими писателями XVIII вѣка.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ лицѣ Петра и его сторонниковъ расходилась съ церковнымъ началомъ и теряла довѣріе и уваженіе къ духовенству значительная часть русскаго общества.

Церковныя реформы Петра лишь закрѣпили такое положеніе и съ своей стороны дали ему новые основанія и поводы. Въ настоящее время часто приходится слышать, особенно отъ представителей духовенства, что чуть-ли не всѣ недостатки русской церковной жизни объясняются реформой Петра. У недовольныхъ существующимъ сдѣ-

[1]) Примѣчаніе на II книгу Исторіи Россійской.

лалось обыкновеніемъ отправляться отъ Петра и ему бросать всѣ упреки въ неканоничности его реформы и въ допущеніи развитія въ Церкви бюрократическаго начала Но при оцѣнкѣ дѣятельности такихъ лицъ, какъ Великій Преобразователь Россіи, нельзя-же не принять во вниманіе и тогдашнія условія, а при этой, болѣе правильной точкѣ зрѣнія, значеніе упрековъ и недовольства относительно реформы Петра очень ослабляется, и они въ большей части должны быть направлены противъ условій и обстоятельствъ того времени. Реформа Петра выросла на почвѣ прежней церковной жизни и во многомъ являлась, какъ отрицаніе тогдашняго положенія дѣлъ. Поэтому въ нее, естественно, могли проникнуть и многія черты прежняго устройства. Болѣе серьезные изслѣдователи этой реформы справедливо указываютъ, наприм., что Петръ смѣшалъ идею соборности съ идеей коллегіальности Но развѣ современная Петру церковная жизнь могла способствовать выясненію передъ сознаніемъ государя въ надлежащей ясности и полнотѣ идеи соборности? Скорѣе она должна была затмить эту идею, которая не лежала въ основаніи и прежняго церковнаго строя. По контрасту-же съ единоличною обширною властью патріарха, нисколько не предохранявшею церковь отъ большихъ нестроеній и признанною государемъ вредною, Петру въ интересахъ исправленія разныхъ золъ, естественно, и могла всего ярче представиться идея коллегіальности, примѣняемая имъ къ тому-же и въ другихъ областяхъ управленія.

Точно также и введеніе въ церковное управленіе свѣтскихъ чиновниковъ и бюрократизма едва-ли уже столь противорѣчило прежнему строю, какъ нерѣдко принято думать. Выслушаемъ свидѣтельства исторіи:

Русскіе архіереи съ теченіемъ времени сдѣлались очень богатыми землевладѣльцами, при чемъ епископскія владѣнія получили почти полную самостоятельность и были изъяты отъ вѣдѣнія царскихъ чиновниковъ. Вся административная, судебная и финансовая часть принадлежали самому архіерею. Для управленія обширными архіерейскими землями образовался многочисленный классъ свѣтскихъ чиновниковъ.

Мало-по-малу, самое управленіе епархіями со стороны архіереевъ и приняло частно-владѣльческій характеръ, и свѣтскіе архіерейскіе чиновники сдѣлались и чиновниками епархіальными. Около архіерея, подобно тому, какъ около князя, оказался цѣлый штатъ свѣтскихъ служилыхъ людей, которые несли личную службу при его дворѣ, управляли его имѣніями и въ то-же время занимали разныя епархіальныя должности. Въ числѣ этихъ служилыхъ людей были, наприм.: бояре, дѣти боярскіе, десятильники, недѣльщики, приказчики, подводчики и т. п. [1]).

[1]) Н. Коптеревъ. Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. Москва, 1874 г.

Управленіе и судъ этихъ лицъ ложился тяжелымъ бременемъ на духовенство, которое очень страдало отъ ихъ гнета и несправедливостей. Выразителемъ отношенія къ такому положенію дѣлъ со стороны духовенства явился, наприм., Ростовскій священникъ Георгій Скрипица, который на Соборѣ 1503 года прямо заявлялъ: „Господа священноначальницы!.. Неблагословно надсматриваете за вѣрными людьми... назираете Церковь по царскому сану земнаго царя—боярами, дворецкими, недѣльщиками, подводчиками для своихъ прибытковъ, а не по достоинству святительскому. Апостолъ пишетъ: служащіе алтарю съ алтаремъ содѣляются. И вамъ достоитъ пасти Церковь священниками благоразумными, а не мірскимъ воинствомъ“ [1]).

Только съ конца XVII вѣка стали принимать мѣры къ устраненію свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ отъ дѣлъ епархіальныхъ, и они сдѣлались лишь придворными людьми архіереевъ. Окончательное-же уничтоженіе ихъ послѣдовало при Петрѣ, который распредѣлилъ ихъ по разнымъ сословіямъ и службамъ.

Въ періодъ патріаршій для управленія церковными дѣлами возникли, какъ извѣстно, патріаршіе приказы, которые представляли почти полное подражаніе приказамъ царскимъ. По своему устройству, отправленіямъ и вообще всей организаціи они почти ничѣмъ не отличались отъ государственныхъ. По образцу-же приказовъ патріаршихъ устраивались духовные приказы и по епархіямъ.

Развѣ во всемъ этомъ не было бюрократизма и болѣе или менѣе сильнаго вліянія свѣтскихъ чиновниковъ, препятствовавшихъ правильному теченію церковной жизни?

При такихъ условіяхъ учрежденіе Духовной Коллегіи съ членами изъ духовенства и назначеніе въ нее оберъ-прокурора, лишь съ цѣлью надзора за дѣлами, едва-ли можно признать само по себѣ за ухудшеніе церковнаго управленія сравнительно съ прежнимъ. Если-же впослѣдствіи власть оберъ-прокурора получила преобладающее значеніе, то это во многомъ объясняется разъединеніемъ духовенства съ народомъ и согласія его на подчиненіе цѣлямъ государственнымъ.

Но какъ-бы тамъ ни было, а Петръ при своихъ реформахъ въ противуположность прежнему значительному политическому вліянію Церкви, посмотрѣлъ на церковное управленіе и положеніе духовенства съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ болѣе, чѣмъ это допускало ихъ назначеніе и задачи Церкви. Достаточно внимательнаго изученія Духовнаго Регламента, этого акта, учредившаго св. Синодъ, чтобы убѣдиться въ стремленіи провести и въ церковное управленіе преслѣдованіе задачъ чисто государственныхъ. Присягою, приложенною къ Регламенту, члены

---

[1]) Исторія Русской Церкви архіепископа Филарета, періодъ III. Черниговъ, 1862 г.

Духовной Коллегіи обязывались по крайнему разумѣнію и возможности „предостерегать и оборонять“ всѣ права и преимущества, принадлежащія къ высокому Его Царскаго Величества Самодержавству силѣ и власти, не щадя, если потребуется, и своей жизни. Кромѣ того они давали прямое обѣщаніе стараться споспѣшествовать всему, что можетъ во всякихъ случаяхъ касаться къ Его Царскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ, а объ узнанномъ ущербѣ, вредѣ и убыткѣ для интересовъ Его Величества не только своевременно объявлять, но и всякими мѣрами ихъ отвращать и не допускать.

Государственное начало оказалось введеннымъ и въ столь деликатныя и требующія свободнаго расположенія и полнаго довѣрія отношенія, какъ пастырей къ пасомымъ. Для пополненія нуждавшейся въ деньгахъ казны государь обложилъ раскольниковъ особымъ окладомъ. Для взиманія его, конечно, нужно было установить, кто раскольникъ и кто православный и самое число раскольниковъ. Лучшимъ-же признакомъ пребыванія въ расколѣ считалось тогда непринятіе св. таинствъ отъ православнаго священника и особенно Покаянія и Причащенія. Поэтому въ 1716 году былъ данъ указъ всѣмъ ежегодно ходить на исповѣдь, а на священниковъ возложена обязанность вести списки прихожанъ, исповѣдающихся и уклоняющихся отъ этого, при чемъ съ послѣднихъ пастыри должны были брать штрафъ. Если-же кто сталъ-бы противиться этому, то пастыри должны были доносить губернаторамъ и ландратамъ, чтобы тѣ чинили наказаніе, а потомъ исполняли-бы исповѣдь. Духовенство, въ лицѣ Переяславскаго игумена Питирима, которому Петръ поручилъ обращеніе раскольниковъ увѣщаніями и кротостью, нашло такое распоряженіе полезнымъ и ходатайствовало объ его неотложномъ исполненіи. По донесенію Питирима, взятіе штрафа съ неисповѣдающихся и особое обложеніе раскольниковъ очень помогали обращенію. Но препятствіе явилось въ томъ, что попы едва не всѣ стали укрывать раскольниковъ, показывая ихъ или исповѣдующимися, или вовсе не отмѣчая. По донесеніямъ-же ландратовъ, на раскольниковъ не наложено ни штрафа, ни оклада, и отъ этого только благочестивые и обратившіеся въ поношеніи и ругательствѣ.

Требуемъ, писалъ Питиримъ, чтобы для лучшаго обращенія штрафы на неисповѣдающихся и окладъ на раскольниковъ „ежегодно былъ правленъ неотложно, а мы подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ писаніемъ удобнѣе къ Церкви присоединять будемъ“. Кромѣ того, онъ просилъ не допускать раскольниковъ быть избираемыми въ старосты и бурмистры, потому что они притѣсняютъ православныхъ и обратившихся и задерживаютъ обращенія. Подъ вліяніемъ ходатайства Питирима государь указомъ 17 февраля 1718 года повторилъ прежнее распоряженіе о хожденіи на исповѣдь и предписывалъ, кромѣ того,

посѣщать въ праздничные дни всѣ церковныя службы Составляемые духовенствомъ списки объ исповѣдающихся было повелѣно отсылать по епархіямъ въ духовные приказы Священникамъ, виновнымъ въ неуказаніи небывающихъ на исповѣди, угрожалъ трехкратный штрафъ, а затѣмъ и лишеніе сана. Быть избраннымъ въ бурмистры и другія должности могли только лица, ежегодно бывающія на исповѣди съ засвидѣтельствованіемъ о объ этомъ ихъ духовными отцами и прихожанами. Предписывая всѣмъ ходить къ церковнымъ службамъ, правительство, кромѣ понужденія къ исполненію религіозныхъ обязанностей, имѣло въ виду и желаніе обязать выслушивать подлинные новые указы, читавшіеся обыкновенно послѣ литургіи, такъ какъ иначе съ ними было трудно знакомить неграмотный народъ.

Самъ св. Синодъ въ указѣ 20 мая 1721 года, напоминая архіереямъ о необходимости слѣдить за правильностью веденія духовенствомъ указанныхъ списковъ, прямо объяснялъ, что дѣло это нужное для государства. Духовенству Синодъ вмѣнялъ въ обязанность смотрѣть въ этомъ отношеніи за всѣми и даже за самими помѣщиками, такъ какъ приходское духовенство, по самому своему положенію, могло лучше всѣхъ знать проживающихъ въ приходѣ [1]).

Священникъ-сортировщикъ передъ правительствомъ прихожанъ а исполняющихъ свои религіозныя обязанности и не исполняющихъ!.. Священникъ-взыскатель денежнаго штрафа за ихъ неисполненіе!.. Священникъ-доноситель властямъ на отказывающихся платить штрафъ для ихъ наказанія!.. Священникъ-разыскиватель раскольниковъ!.. Какую дисгармонію должно было внести все это въ кругъ обязанностей священника какъ пастыря человѣческихъ душъ!

Но этого мало. Политика едва-ли не влила для многихъ яда и въ такія нравственно близкія отношенія пастыря къ пасомымъ, которыя должны быть во время исповѣди, когда, по смыслу таинства, все происходящее между духовникомъ и исповѣдникомъ должно быть вѣдомо лишь единому Богу. 28 апрѣля 1722 г. послѣдовалъ указъ, предписывающій духовенству объявлять, гдѣ слѣдуетъ, о нѣкоторыхъ грѣхахъ, открываемыхъ на исповѣди По поводу этого 17 мая 1722 г. св. Синодъ издалъ свой указъ, въ которомъ разъяснялъ и оправдывалъ указъ 28 апрѣля.

По разъясненію св. Синода, когда духовный отецъ узнаетъ на исповѣди о намѣреніи учинить воровство, особенно-же измѣну, бунтъ противъ Царя и государства, или о злоумышленіи противъ чести и здравія Государя и его семейства, а открывшій объ этомъ не обнаруживаетъ достаточнаго раскаянія, то духовникъ обязывается не только не давать разрѣшенія за другіе исповѣданные грѣхи, но и донести

---

[1]) Полное собраніе законовъ т. VI, № 3787.

объ этомъ, согласно указу 28 апрѣля. Кромѣ того, священникъ долженъ былъ доносить и объ открытомъ ему на исповѣди уже сдѣланномъ народномъ соблазнѣ, какъ напр., о разглашеніи ложныхъ чудесъ и т. п.

При правильныхъ доносахъ священнику обѣщалась награда отъ Его Величества, а за неисполненіе требованій указа священникъ, какъ предупреждалъ Синодъ, безъ всякаго милосердія, яко противникъ и таковымъ злодѣямъ согласникъ, паче-же государственныхъ враговъ прикрыватель, по лишеніи сана и имѣнія лишенъ будетъ и живота.

Въ такомъ направленіи была составлена даже и присяга для священнослужителей, приложенная къ указу Синода [1]).

Вообще, какъ отмѣчаютъ историки, духовенство во многихъ случаяхъ было впутано въ систему доносовъ, которой держалась тогда правительственная власть По нѣкоторымъ дѣламъ священникъ являлся и полицейскимъ органомъ правительства и дѣйствовалъ вмѣстѣ съ сыщиками и дозорщиками изъ Преображенскаго Приказа. Доносъ священника вызывалъ у правительства судъ и расправу, а въ обществѣ, конечно, негодованіе и часто ненависть. Итакъ, священникъ, служитель Христа, требующій для успѣха своей дѣятельности самыхъ откровенныхъ и довѣрчивыхъ отношеній съ паствой, ставится въ ряды чиновниковъ и даже какихъ-то новыхъ полицейскихъ агентовъ по сыскной части!

Вѣдь и одного этого было-бы достаточно, чтобы свѣтское общество стало чуждаться духовенства, начало смотрѣть на духовенство, какъ на чиновниковъ въ рясахъ и заподозрѣвать искренность его пастырской дѣятельности. Но отчужденію духовенства отъ общества способствовало и образованіе изъ него особаго сословія. Вслѣдствіе этого, потеря духовенствомъ въ глазахъ общества подобающаго уваженія и довѣрія перешла на все духовное сословіе, и каждому отдѣльному изъ него лицу сдѣлалось труднѣе пріобрѣтать въ обществѣ расположеніе и уваженіе. Кромѣ того, жизнь и интересы духовенства, мало-по-малу, стали замыкаться въ ихъ собственной средѣ, а сословная замкнутость, какъ показываетъ исторія, обыкновенно поддерживаетъ нерасположеніе другихъ сословій,

При всѣхъ отмѣченныхъ условіяхъ церковной жизни психологически понятно, что въ русскомъ обществѣ должна была подготовиться хорошая почва для воспріятія европейскихъ идей о религіи и духовенствѣ еще въ теченіе XVIII вѣка. И дѣйствительно, какъ только проникъ въ Россію значительный потокъ европейскихъ идей въ формѣ процвѣтавшей тогда на Западѣ философіи XVIII вѣка, идеи эти нашли широкое распространеніе въ культурной и вліятельной части обще-

[1]) Первое полное собраніе законовъ т. VI № 4012

ства. Среди него образовалось даже особое направленіе, представители котораго получили названіе вольтеріянцевъ. Между прочимъ, характеристической чертой вольтерьянцевъ служило легкое насмѣшливо-скептическое отношеніе къ христіанской религіи и рѣшенію ею высшихъ вопросовъ жизни. Подъ вліяніемъ философіи XVIII вѣка русскія головы,—какъ свидѣльствовала Екатерина,—даже менѣе всего философскія, захотѣли быть философами. Извѣстно, что во главѣ этого движенія стояла сама Императрица и вела обширную переписку съ энциклопедистами. Подъ сильнымъ вліяніемъ Монтескье, а мѣстами и прямаго заимствованія у него, составленъ „Наказъ“ Екатерины.

Многія философскія идеи вѣка отразились и на сочиненіяхъ русскихъ писателей, имѣвшихъ вліяніе на тогдашнее общество Вотъ что, напримѣръ, читаемъ мы въ извѣстномъ посланіи въ стихахъ къ слугамъ, принадлежащимъ фонъ-Визину:

„Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ
Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ
Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
А пастыри притомъ карманы набиваютъ
За деньги чистыя прощаютъ всякій грѣхъ,
За деньги множество въ раю сулятъ утѣхъ.
Но если говорить на свѣтѣ правду можно,
То мнѣніе я вамъ скажу свое неложно:
За деньги Самого Всевышняго Творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца
Что дуренъ здѣшній свѣтъ,—то всякій понимаетъ,
Да для чего онъ есть,- того никто не знаетъ“.

Въ томъ-же посланіи, нѣсколько выше, авторъ пишетъ:

„Попы стараются обманывать народъ“.

Это стихотвореніе,—какъ поясняютъ историки литературы,—пользовалось большимъ вниманіемъ общества и заучивалось наизусть.

Подобное-же направленіе мыслей обнаруживается и въ трудахъ историковъ и публицистовъ временъ Екатерины: князя Щербатова и особенно генералъ-майора Ивана Болтина. Щербатовъ, будучи самъ человѣкомъ набожнымъ и сожалѣющимъ о поврежденіи нравовъ и благочестія въ Россіи, тѣмъ не менѣе въ своей „Исторіи Россійской отъ древнѣйшихъ временъ“, набожность предковъ, напримѣръ, оцѣниваетъ по ея политическому значенію. Религія выступаетъ у него, какъ подчиненная интересамъ государственнымъ. По временамъ онъ высказываетъ соображенія, какимъ образомъ можно пользоваться религіей для достиженія цѣлей политическихъ и какъ благотворно отзывалось это въ прежнее время. Точно такъ-же причины пользы государственной,—по мнѣнію историка,—позволяютъ и нѣкоторое нарушеніе обрядовъ церковныхъ. Вовсе не будучи врагомъ духовенства, Щербатовъ не можетъ,однако, удержаться, чтобы не объяснять нѣкоторыя явленія церковной жизни выгодами отъ нихъ для духовен-

ства. Разсуждая о причинахъ завоеванія Россіи Татарами, Щербатовъ указываетъ въ ихъ числѣ и духъ неумѣренной набожности, вселившейся въ сердца русскихъ князей. Не разумѣя правильно законовъ христіанства, они впали въ суевѣрія и бѣсновѣріе, перестали имѣть попеченіе о тлѣнномъ и мірскомъ, а защиту себя стали считать противодѣйствіемъ воли Божіей. Монахи-же и духовный чинъ эти мысли болѣе утверждали и, вкравшись въ мірское правленіе, — тогда, какъ видно, епископы во всякія дѣла мѣшались, — твердость и великодушіе, можно сказать, отовсюду прогнали, а на мѣсто того духъ монашескій вселился. Разъясняя характеръ, такъ называемыхъ, степенныхъ книгъ, существованіе въ нихъ множества чудесныхъ сказаній Щербатовъ приписываетъ той цѣли, чтобы частымъ повтореніемъ чудесъ, примѣрами подвиговъ святыхъ, вмѣщенными молитвами и увѣщаніями государей и народъ въ вящшее повиновеніе духовенству привести.

Несравненно болѣе духъ XVIII вѣка произвелъ вліяніе на Болтина, хотя Болтинъ и поставилъ цѣлью защитить Россію отъ разныхъ невѣрныхъ мнѣній и свѣдѣній о ней иностранцевъ и особенно Леклера.

Въ своемъ сочиненіи „Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи Леклера“ Болтинъ, слѣдуя Реналю, прямо заявляетъ, что достоинъ жалости тотъ народъ, который не знаетъ другаго достоинства, какъ быть воиномъ, ни другой добродѣтели, какъ повиноваться Церкви. О духовенствѣ Болтинъ говоритъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Значеніе духовенства онъ объясняетъ невѣжествомъ народовъ и его обманами. Личный и сословный интересъ побуждаютъ духовенство поддерживать суевѣріе и невѣжество. Поэтому, естественно, обскуратизмъ является его характерной чертой. Все это Болтинъ доказываетъ исторіей западнаго духовенства. Переходя-же къ исторіи Россіи, Болтинъ находитъ у русскаго духовенства главнымъ образомъ то преимущество, что оно само было непросвѣщенно. Лучше,—замѣчаетъ онъ,—быть народу суевѣрнымъ при непросвѣщенномъ духовенствѣ, нежели быть рабами просвѣщенному. Скорѣе можетъ быть просвѣщенъ народъ, пасомый непросвѣщеннымъ духовенствомъ, нежели сущій подъ властью просвѣщеннаго, понеже корысть, любоначаліе и гордость заставятъ его всѣ способы употребить къ недопущенію онаго до просвѣщенія. Богъ насъ сохранилъ отъ просвѣщеннаго духовенства, въ противномъ случаѣ и въ Россіи власть его не меньше была-бы, какъ и въ областяхъ римскаго исповѣданія. Вождь слѣпой,— по выраженію Болтина, — есть образъ стариннаго русскаго попа, а вождь зрячій, есть образъ католическаго духовенства. Несмотря на это и русское духовенство,—по мнѣнію Болтина,—ради своихъ выгодъ старалось поддерживать въ народѣ суевѣріе. Это онъ усматриваетъ, напримѣръ, въ распространеніи убѣжденія, что за приношенія въ мо-

настыри сторицею будетъ воздано на томъ свѣтѣ, или что черезъ принятіе монашества при смерти очистятся всѣ грѣхи, содѣянные въ жизни. По поводу послѣдняго обычая, Болтинъ поясняетъ, что не попеченіе о спасеніи ближняго заставляло духовенство прибѣгать къ сему священному обману, но желаніе самихъ себя обогатить и власть возвысить, потому что недовольно было срѣзать нѣсколько волосовъ съ головы и надѣть черную рясу, но и для вящшаго въ чаяніи спасенія успѣха надлежало все или большую часть имѣнія въ монастырь отдать.. Вѣдь знало-же само духовенство, что „перемѣна одежды не перемѣнитъ въ человѣкѣ сердца и что съ постриженіемъ власовъ не состригутся вкупѣ и страсти.“

Такъ въ теченіе всего XVIII вѣка, вслѣдствіе какой-то роковой ошибки, не только со стороны общества, воспитаннаго въ духѣ реформы, но и самого русскаго духовенства, послѣднее было заклеймено именемъ обскурантовъ, поборниковъ невѣжества и суевѣрій, а взаимное довѣріе и необходимая духовная связь между духовенствомъ и обществомъ оказались подорванными.

Съ наступленіемъ XIX столѣтія все это еще болѣе окрѣпло и продолжало находить себѣ поддержку и оправданіе, какъ въ духѣ самого вѣка, такъ и въ условіяхъ русской церковной жизни. Подъ вліяніемъ установившейся въ Россіи системы церковнаго управленія съ излишнимъ преобладаніемъ въ ней элементовъ чисто государственныхъ и неразрывной у насъ съ ними бюрократіи, въ русскомъ обществѣ все болѣе и болѣе сталъ укореняться взглядъ на дѣла церковныя, какъ на составляющія исключительно обязанность особаго духовнаго сословія и важныя для государства въ его собственныхъ цѣляхъ. Попробуйте увѣрить человѣка, хоть сколько-нибудь сознательно относящагося къ жизни, что все его участіе въ дѣлахъ церковныхъ можетъ проявляться только въ посѣщеніи богослуженій, принятіи таинствъ, слушаніи поученій духовенства, вообще въ замаливаніи грѣховъ личной жизни, или въ матеріальныхъ приношеніяхъ на нужды Церкви, да и то лишь признанныя Вѣдомствомъ Православнаго Исповѣданія. Попробуйте затѣмъ внушить ему, что стремленія и попытки людей, не носящихъ рясу и не состоящихъ въ числѣ чиновниковъ духовнаго вѣдомства, ближе войти въ интересы церковные и стараться дѣйствовать въ извѣстной степени активно ради пользы общественной, въ зависимости отъ потребностей времени, должны быть причислены къ вторженіямъ въ чужія дѣла, объявлены нарушеніемъ правъ духовенства, а, при случаѣ, онѣ могутъ быть подавляемы даже и средствами государственной власти Вѣдь при такихъ условіяхъ, естественно, среди русскаго общества долженъ былъ упасть интересъ къ дѣламъ церковнымъ, а, по близкой связи съ ними, и къ самой религіи, и значительно помрачиться самый взглядъ на церковныя дѣла, какъ на осуществленіе въ

нихъ всемірной миссіи христіанства. И вотъ, уже не одно поколѣніе въ Россіи воспиталось въ томъ убѣжденіи, что интересы религіозные есть дѣло исключительно духовенства и правительства, а каждому человѣку вполнѣ достаточно посѣщенія въ мѣру богослуженій, участія въ таинствахъ и въ признанныхъ правительствомъ пожертвованіяхъ на Церковь. Такъ стали думать болѣе или менѣе вѣрующіе.

Невѣрующіе-же въ подобномъ положеніи церковныхъ дѣлъ стали находить подтвержденіе раздѣляемымъ и проводимымъ ими европейскимъ взглядамъ на религію, какъ на политическое средство.

На ряду съ этимъ, въ русскомъ обществѣ, да пожалуй, и у многихъ представителей духовнаго сословія, точка зрѣнія на духовенство, какъ на слугъ государства, заслонила собой его истинную идею. Характерное обнаруженіе подобнаго отношенія къ духовенству представляетъ, напримѣръ, столь укоренившійся со временъ Павла обычай пожалованія духовенству орденовъ, звѣздъ, лентъ и т. п., или, по тогдашнему выраженію, кавалеріи. Дарованіемъ духовенству чисто мірскихъ знаковъ отличія правительство, конечно, должно было отмѣтить въ глазахъ общества дѣятельность духовенства, какъ служителей государства Это видно и изъ самыхъ обстоятельствъ установленія новаго обычая, который привелъ въ смущеніе очень многихъ. Въ числѣ смущенныхъ оказался и митрополитъ Платонъ, считавшій ношеніе орденовъ духовенствомъ несоотвѣтствующимъ его назначенію [1]). Онъ рѣшился даже донести въ такомъ духѣ Государю и указать, что „новое архіереевъ кавалеріями пожалованье принято почти отъ всѣхъ съ удивленіемъ и что оно можетъ дать случай къ разнымъ толкованіямъ“. Павелъ высказалъ недовольство Платономъ и сталъ спрашивать мнѣнія приближенныхъ о новомъ обычаѣ И. В. Лопухинъ прямо отвѣтилъ Государю, что „истинной Церкви Христіанской такія почести, самолюбіе питающія, конечно, неприличны. Но пріемля правленіе Церкви нынѣ больше учрежденіемъ политическимъ, не безполезно, по его мнѣнію, употребляться могутъ такіе знаки отличія для награды и поощренія онаго членовъ, коихъ весьма не можно въ прямомъ смыслѣ почитать истинно духовными“. „L'habit ne fait pas le moine“ прибавилъ Лопухинъ [2]).

„Правда твоя“, сказалъ Государь и, такимъ образомъ, раздѣлилъ мнѣніе Лопухина объ основаніяхъ пожалованія духовенству свѣтскихъ знаковъ отличія. И вотъ, эти знаки духовенство стало носить даже во время совершенія богослуженія, поверхъ священныхъ облаченій, и часто передъ глазами молящихся какая-нибудь яркая орденская лента почти закрывала собой верхнюю часть архіерейскаго омофора,

[1]) Письма Императора Павла къ Московскому митрополиту Платону Русскій Архивъ.

[2]) Записки сенатора И В Лопухина

долженствующаго напоминать объ обязанности епископа спасать „заблудшее овча“. Если, кромѣ того, имѣть въ виду, что, по принятому толкованію, напримѣръ, архіерей во время служенія литургіи какъ-бы изображаетъ собой самого Христа, а облаченія его представляютъ тотъ или иной символъ, то является совершенно непонятнымъ, какъ сюда могли войти орденскіе знаки и ленты и символомъ чего, свойственнаго личности Христа, могли они служить? Такъ продолжалось около ста лѣтъ и только въ послѣдней четверти XIX вѣка ношеніе орденовъ за богослуженіемъ было признано неудобнымъ и воспрещено.

Но внѣ времени богослуженія ношеніе духовенствомъ мірскихъ знаковъ отличія и до сихъ поръ остается въ силѣ. Нерѣдко и въ наши дни можно видѣть, какъ на груди епископа или священника панагія, крестъ, символы царства не отъ міра сего, затмеваются блескомъ орденовъ, звѣздъ и яркостью кавалерскихъ лентъ, символовъ царства міра сего.

Все это не простая мелочь, какъ можетъ казаться при недостаточномъ знакомствѣ съ окружающей жизнью. Она часто возбуждаетъ недоумѣніе въ обществѣ, а у нѣкоторыхъ даже и соблазнъ отъ смѣшенія духовнаго съ мірскимъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, наприм., и такой наблюдатель жизни и вѣрный сынъ православной Церкви, какъ Ив. С. Аксаковъ. Свѣтское отличіе, осѣнившее рясу епископа, является, по мнѣнію Аксакова, лишь логическимъ развитіемъ существующихъ въ Россіи отношеній Церкви и государства. Эти отношенія хорошо выражаются символически и нашей табелью о рангахъ Въ ней различіе даровъ св. Духа оцѣнивается и съ государственной точки зрѣнія. Высшая епископская благодать, по замѣчанію Аксакова, признана соотвѣтствующей генеральскому достоинству и образовала такъ называемый духовный генералитетъ: митрополиты приравнены къ полнымъ генераламъ, архіепископы къ генералъ-лейтенантамъ, епископы къ генералъ-майорамъ. Низшая степень благодати, принадлежащая іереямъ оцѣнена разумѣется ниже—отъ полковничьяго и до маіорскаго чина [1]).

Если ко всему этому присоединить еще обыкновенную недоступность нашихъ епископовъ народу, появленіе ихъ на улицахъ не иначе, какъ въ каретахъ, и нерѣдко обнаруживаемый ими деспотизмъ относительно подчиненнаго духовенства, то что-же удивительнаго, если русскіе архіереи представляются для многихъ, и особенно интеллигенціи, какими-то генералами отъ религіи, къ дѣятельности которыхъ въ качествѣ служителей Божіихъ они относятся съ недовѣріемъ, а то и прямо отрицательно?

Вѣроятно, подъ вліяніемъ тѣхъ-же историческихъ причинъ среди русскаго духовенства уже давно замѣчается направленіе, которое

[1]) Полное собраніе сочиненій, т. IV Отд. I. Собр 1903 г.

едва-ли можно не отнести къ служенію задачамъ государственнымъ, или правильнѣе, мірскимъ властямъ. Каковъ-бы ни былъ существующій государственный порядокъ со всѣми его учрежденіями, законами, распоряженіями и политикой правительства и т. п., обо всемъ этомъ, какъ учрежденіи временномъ и земномъ, всегда есть поводы и основанія для критики и стремленія къ лучшему. Но когда существующій порядокъ вещей, вызванный тѣми или другими историческими факторами, чуть-ли не весь цѣликомъ ставится подъ охрану вѣры, когда вѣрѣ навязывается одобреніе, благословеніе и освященіе всего, что есть въ данную минуту, но чего не было вчера и чего можетъ не быть завтра, тогда въ людяхъ помрачается и даже теряется критеріумъ евангельской истины. Если къ заповѣди: покайтесь и вѣруйте, во Евангеліе присоединить еще: вѣруйте и въ существующій порядокъ, то это часто значитъ не только помрачить вѣру во Евангеліе у слабыхъ и колеблющихся, но и сдѣлать ее психологически почти недоступной для невѣрующихъ и ясно усматривающихъ потребность коренныхъ реформъ современнаго строя жизни.

Къ такому заключенію легко придетъ каждый, кто еще не настолько выдѣлилъ себя изъ окружающаго общества, чтобы сдѣлаться неспособнымъ понимать происходящихъ въ немъ движеній. Въ той или иной формѣ объ этомъ свидѣтельствуютъ и русскіе писатели, которыхъ нужно признать во многомъ отражающими въ себѣ самосознаніе общества. Еще Карамзинъ, говоря о новомъ времени, долженъ былъ отмѣтить, что „первосвятители наши стали угодниками царей и на каѳедрахъ языкомъ библейскимъ произносили имъ слова похвальныя. Для похвалъ мы имѣемъ стихотворцевъ и придворныхъ. Главная же обязанность духовенства есть учить народъ добродѣтели, и чтобъ сіи наставленія были тѣмъ дѣйствительнѣе, надобно уважать оное. Если государь предсѣдательствуетъ тамъ, гдѣ засѣдаютъ главные сановники Церкви, если онъ судитъ ихъ или награждаетъ мірскими почестями и выгодами, то Церковь подчиняется мірской власти и теряетъ свой характеръ священный, усердіе къ ней слабѣетъ, а съ нимъ и вѣра“...

Еще сильнѣе и ярче выражаетъ подобныя мысли вполнѣ преданный православной Церкви Ю. Ѳ. Самаринъ. Вѣра—не палка, — напоминаетъ онъ,—и въ рукахъ того, кто держитъ ее, какъ палку, чтобы защитить себя и пугать другихъ, она разбивается въ щепы. Вѣра служитъ только тому, кто искренно вѣритъ, а кто уважаетъ ее, тотъ не можетъ смотрѣть на нее, какъ на средство. Требованіе отъ вѣры какой-бы то ни было полицейской службы есть не что иное, какъ своего рода проповѣдь невѣрія, можетъ-быть, опаснѣйшая изъ всѣхъ по ея общепонятности. У насъ, — констатируетъ Самаринъ, — и эта проповѣдь дѣлала свое дѣло. Принявъ комплименты, произносимые въ табельные

дни за догматы, реторику за ученіе, лесть за исповѣданіе, невѣріе по свидѣтельству Самарина, успѣло убѣдить многихъ, что Церковь не только благословляетъ идею государства, т.-е. народный союзъ подъ общественной общепризнанною властью, но освящаетъ будто-бы именно одну изъ формъ государственнаго союза за исключеніемъ всѣхъ другихъ; опредѣляетъ будто-бы эту власть, какъ непосредственный даръ Божій, какъ частную собственность лица или рода, и тѣмъ становится поперекъ всякому политическому прогрессу, заранѣе осуждая его, какъ посягательство на божественную заповѣдь.

Оторванное отъ близкой жизни съ окружающимъ обществомъ и замкнутое въ своей собственной средѣ и интересахъ, духовенство, естественно, могло сдѣлаться мало способнымъ отдавать себѣ ясный отчетъ и достаточно понимать дѣйствующіе факторы во многихъ историческихъ движеніяхъ, захватывавшихъ общество. Кромѣ того, представителями самого-же духовенства часто утверждается, что въ своихъ школахъ оно усваиваетъ христіанство болѣе съ формальной стороны и выходитъ изъ школъ съ запасомъ готовыхъ формулъ и положеній, въ которыхъ не влито достаточнаго жизненнаго пониманія. Все это, конечно, такъ-же должно вліять на многихъ изъ духовенства въ ихъ стремленіи отрицать справедливость потребности въ перемѣнахъ государственной жизни и поддерживать существующій порядокъ именемъ христіанства. Вслѣдствіе того, что коренныя измѣненія въ государствѣ слѣдуютъ иногда довольно скоро и ихъ приходится переживать одному поколѣнію, духовенство при своихъ стремленіяхъ, помимо указаннаго, легко можетъ оказываться не только въ затруднительномъ, но и прямо смѣшномъ положеніи. Такой характерный случай отмѣтилъ, напр., Щедринъ. Описывая съ свойственнымъ ему талантомъ людей эпохи освобожденія крестьянъ, Щедринъ рисуетъ и нѣкоего стараго генерала Утробина, завзятаго крѣпостника. Лишь только дошли до Утробина какіе-то неясные слухи объ освобожденіи, онъ отправился съ своими сомнѣніями къ двумъ авторитетамъ губерніи: губернатору и архіерею. Преосвященный, какъ и губернаторъ, успокоилъ Утробина Архіерей-же съ своей стороны прямо заявилъ, что какъ въ древности были господа и рабы, такъ и напредь сего таковые имѣютъ остаться безъ измѣненія. Когда-же непріятные для Утробина слухи стали переходить въ дѣйствительность, и правительство уже явно приступило къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, старый крѣпостникъ снова полетѣлъ за разъясненіями къ авторитетамъ губерніи. „Слышали?“—спросилъ Утробинъ архіерея. „Не токмо слышалъ, но и возвеселился,—отвѣчалъ преосвященный. Истинно любезная для христіанскаго сердца минута сія была“. Генералъ побагровѣлъ. „Какъ-же такъ, преосвященный? А помните: и въ древности были господа и рабы и напредь таковые должны

остаться безъ измѣненія!“—огрызнулся онъ. Архіерей, очевидно, пришелъ въ смущеніе отъ самого себя и, по крайней мѣрѣ, откровенно объяснилъ: „Да, да, да, то-то всѣ мы, бѣсу смущающу, умствовать дерзновеніе имѣемъ! И предполагаемъ и планы строимъ,—и все на песцѣ. Думалось, вотъ должны остаться рабы, и вдругъ воспослѣдовало благочестивѣйшаго Государя повелѣніе: не быть рабамъ!—При чемъ-же, скажи ты мнѣ, предположенія и планы-то наши остались? Истинно говорю: на песцѣ строимъ“

Въ подобномъ положеніи русское духовенство можетъ оказаться и въ наши дни, напоминающіе собой эпоху шестидесятыхъ годовъ. Только теперь это будутъ видѣть не одни генералы Утробины, погрязшіе въ своихъ матеріальныхъ интересахъ, но и очень много людей, раздѣляющихъ европейскіе, а то и прямо соціалистическіе взгляды на религію и духовенство. Сколько лѣтъ нашему поколѣнію приходилось выслушивать подъ разными формами поученія о томъ, что существующій у насъ строй вполнѣ правильный и согласный съ духомъ Церкви и народа, а критика его и стремленія къ перемѣнамъ составляютъ преступленіе чуть-ли не противъ самого христіанства. И вдругъ, самъ Царь высказываетъ слова, признающія несостоятельность прежняго строя, и провозглашаетъ необходимость извѣстнаго участія въ важнѣйшей сферѣ государственнаго управленія избранныхъ народомъ представителей. Не придется-ли теперь многимъ изъ духовенства при запросахъ со стороны общества повторять слова архіерея, о которомъ разсказываетъ Щедринъ!

Въ числѣ слушавшихъ или читавшихъ поученія духовенства о политическихъ дѣлахъ, конечно, должны оказаться и многіе на себѣ лично или на близкихъ имъ, испытавшіе вредъ отъ отсутствія законности и злоупотребленій властью разныхъ должностныхъ лицъ, возможность чего уже открыто признана теперь при обсужденіи въ совѣщаніяхъ при Комитетѣ Министровъ объ исполненіи Высочайшаго Указа 12 декабря 1904 года. Вспомнимъ немало лицъ, схваченныхъ или сосланныхъ безъ достаточнаго суда и слѣдствія, нерѣдко по одному недоразумѣнію или произволу властей. Вспомнимъ ихъ пораженныхъ скорбью родителей, семейства, знакомыхъ и т. п. Что-же удивительнаго, если всѣ эти люди, а за ними и часть русскаго общества, стали смотрѣть на религію, какъ на преграду, которую необходимо устранить на пути прогресса, и мало-по-малу почувствовали себя невѣрующими?

Убѣжденіе о полной несовмѣстимости, съ призваніемъ духовенства, служеніе его чисто государственнымъ задачамъ, повидимому, и до сихъ поръ еще недостаточно проникло въ сознаніе правительства, общества и самого духовенства, въ его цѣломъ Тамъ и сямъ, въ томъ или иномъ видѣ, такое направленіе нерѣдко очень ясно себя обнаруживаетъ.

Вотъ, напримѣръ, во время извѣстныхъ массовыхъ безпорядковъ 1901 года въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ роль духовенства въ нѣкоторыхъ случаяхъ приравниваютъ къ дѣятельности агентовъ тайной полиціи. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, часть населенія съ такой точки зрѣнія и отнеслась къ духовенству, изъ котораго нѣкоторые занимались отыскиваніемъ виновниковъ и донесеніями, куда слѣдуетъ. И этимъ разсказамъ русское общество легко повѣрило, имѣя въ виду историческіе опыты и существующее положеніе вещей.

Или, вотъ, нѣсколько характерныхъ случаевъ изъ самаго послѣдняго времени, которые отмѣчаемъ на основаніи мѣстныхъ газетъ:

Ректоръ одной изъ семинарій, архимандритъ, въ своемъ богословскомъ чтеніи приравнялъ стремленія лицъ, желающихъ созванія Земскаго Собора къ дѣйствіямъ дьявольскимъ. Объясняя смыслъ третьяго искушенія Спасителя въ приложеніи къ современности, о. ректоръ нашелъ возможнымъ высказать: не искушаютъ-ли и нынѣ многіе подобнымъ-же дерзскимъ образомъ Божія слугу и Помазанника Самодержавнаго Государя? Зачѣмъ Тебѣ одному нести бремя власти? Раздѣли его между нами.

Въ одномъ изъ селъ Саратовской губерніи толпа крестьянъ, подъ впечатлѣніемъ проповѣди духовенства о крамолѣ и внутреннемъ врагѣ, начала громить школу и имѣла намѣреніе расправиться съ учителемъ и земскимъ врачемъ.

Въ одной изъ южныхъ губерній студенты обратились къ священнику съ просьбой отслужить панихиду по двумъ ихъ товарищамъ, убитымъ 9 января на улицахъ Петербурга. Священникъ испугался этой просьбы и отказался. Тогда студенты просили архіерея разрѣшить совершеніе панихиды. Но и архіерей, повидимому, пришелъ въ смущеніе отъ мысли, какъ-бы за свое разрѣшеніе онъ не оказался въ глазахъ начальства въ числѣ лицъ, сочувствующихъ безпорядкамъ Студенты получили отказъ архіерея, сопровождаемый слѣдующими поясненіями: „Не могу разрѣшить служить по бунтовщикамъ, идущимъ противъ Престола, Отечества и Церкви Вы сами должны понимать, что я человѣкъ служащій, я отвѣчаю тоже передъ начальствомъ.. Да вотъ, и священникъ, — онъ человѣкъ семейный, тоже зависимъ по службѣ“.

При такихъ условіяхъ что-же удивляться, если у весьма многихъ въ Русскомъ народѣ, и особенно его интеллигентной части живетъ какое-то скрытое нерасположеніе къ духовенству, которое уже одно можетъ парализовать его дѣятельность.

Развѣ всѣмъ этимъ не подготовлена въ Россіи хорошая почва для распространенія указанныхъ выше европейскихъ идей о религіи и духовенствѣ и соціалистическаго къ нимъ отношенія? И дѣйствительно, всѣ эти идеи распространены у насъ гораздо шире и глубже,

чѣмъ полагаютъ тѣ, кому объ этомъ особенно вѣдать надлежитъ. Передъ сознаніемъ русскаго общества съ неменьшей силой, чѣмъ въ Европѣ, происходитъ борьба изъ-за основныхъ началъ и вопросовъ жизни. Эти начала находятся въ спорѣ и подвергнуты ядовитому сомнѣнію, подтачивающему энергію высшей жизни. Идеи, группирующіяся около имени Дрэпера, конечно, проникли, и къ намъ, а въ семидесятыхъ годахъ сочиненіе Дрэпера пошло въ обращеніе уже въ русскомъ переводѣ. Нѣкоторые читали его еще на университетской или даже гимназической скамьѣ и сами признавались, что послѣ этого въ нихъ невольно стало шевелиться поддерживаемое ученымъ авторомъ подозрѣніе къ дѣятельности духовенства и нерасположеніе къ его проповѣдямъ и предметамъ преподаванія.

Борьба полицейскими мѣрами съ идеями соціальными не только не помѣшала ихъ распространенію въ Россіи, но скорѣе еще усилила энергію ихъ распространенія. Въ настоящее время идеи эти уже значительно повліяли на сознаніе русскаго интеллигентнаго общества, а пропаганда ихъ среди фабрично-заводскаго населенія, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, успѣла уже захватить отчасти и народныя массы. Вмѣстѣ-же со всѣмъ этимъ намъ все болѣе и болѣе передавались антихристіанскія идеи, недовѣріе и враждебность къ духовенству. Какъ зерно, брошенное въ удобную почву, такія идеи и чувства получили у насъ самостоятельное развитіе и нашли себѣ опору и подкрѣпленіе въ особенностяхъ и обстоятельствахъ русской жизни. Въ настоящее-же время они обратились уже въ тѣ невидимыя мысли, которыя, такъ сказать, наполняютъ воздухъ и бьютъ своими крылами около каждаго изъ насъ. На все, выступающее подъ вывѣской принадлежности къ духовному, большинство, не отдавая себѣ отчета, смотритъ съ недовѣріемъ, а при разъясненіи духовенствомъ христіанскихъ началъ жизни, готово сразу-же заподозривать ихъ искренность. Стоитъ, напримѣръ, интеллигентному человѣку предложить какую-либо хорошую книгу, авторъ которой именуетъ себя іеромонахомъ, священникомъ, епископомъ, и книга не можетъ привлечь къ себѣ достаточно вниманія и энергіи мысли читателя. Попробуйте сослаться на серьезную разработку какого-либо вопроса лицомъ духовнымъ или даже только на страницахъ духовныхъ журналовъ, и вы обыкновенно прямо услышите: „мы заранѣе знаемъ, что тамъ написано, оно высказано въ извѣстномъ направленіи, потому что такова обязанность и профессія автора“. И вотъ наши духовные журналы почти никто не читаетъ, кромѣ самихъ-же духовныхъ.

Особенно наглядно проявилось въ русскомъ обществѣ нерасположеніе и даже вражда къ дѣятельности духовенства, какъ пыстырей, по поводу отлученія графа Толстого. Извѣстно, что сейчасъ-же по объявленіи объ отлученіи, Толстому были сдѣланы овація

не только одной интеллигенціей, но и нѣкоторыми изъ народа. Многіе украшали портретъ его цвѣтами. Иные послали прошенія въ Синодъ и архіереямъ объ отлученіи и ихъ и т. п. Но во всемъ этомъ обнаружилось не столько признаніе и сочувствіе религіознымъ идеямъ Толстого, которыя для большинства остаются неясными и даже неизвѣстными, сколько желаніе воспользоваться подходящимъ случаемъ выразить враждебность духовнымъ властямъ и ихъ распоряженіямъ. Вообще, слѣдуетъ имѣть въ виду, что около имени Толстого стали группироваться въ нашемъ обществѣ недовѣріе и враждебность къ церковному началу и духовенству, которыя были вызваны къ жизни указанными историческими условіями. Жертвой этихъ условій въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, какъ показываютъ нѣкоторыя его сочиненія, сдѣлался и самъ Толстой, вслѣдствіе чего и несправедливо обвинять во всемъ одного Толстого, какъ принято обыкновенно.

Итакъ, современное русское общество охвачено взглядами на религію, какъ на явленіе преходящее и составляющее дѣло духовенства, какъ на удобное средство для тѣхъ или иныхъ земныхъ цѣлей и особенно политическихъ, а высшія стремленія и потребности человѣческой природы подвергнуты въ немъ сомнѣнію и спору. Кромѣ того въ обществѣ укоренилось нерасположеніе къ духовенству и недовѣріе къ его пастырской дѣятельности, у многихъ затмилась истинная идея Христовой Церкви, вслѣдствіе чего одни вовсе отрицаютъ необходимость Церкви, а другіе, считая существующее положеніе церковныхъ дѣлъ неправильнымъ, пытаются отыскать что-либо иное уже помимо духовенства.

III.

Современная церковная жизнь и апостольская идея Церкви.—Необходимость активнаго участія народа въ дѣлахъ Церкви, вызываемаго современными потребностями жизни.— Обнаруженіе такого участія въ исторіи Древней и Русской Церкви.—Участіе мірянъ въ разныхъ современныхъ православныхъ церквахъ Востока. — Обезпеченіе правильнаго теченія церковной жизни и управленіе требуетъ живаго участія всѣхъ членовъ Церкви.—Значеніе начала соборности.—Предстоящія въ Россіи реформы взываютъ о возстановленіи живаго отношенія мірянъ къ дѣламъ церковнымъ.

Обратимся теперь къ людямъ, причисляющимъ себя къ Церкви. У большинства мы не найдемъ того отношенія къ ней, которое, по разъясненію апостола Павла, должно быть у живыхъ членовъ Тѣла Христова. Подъ вліяніемъ указанныхъ условій всѣ интересы Церкви перешли на попеченіе духовенства и правительства, а Русскіе люди стали довольствоваться лишь чисто пассивною ролью. Церковныя цѣли и нужды стали представляться имъ не своимъ дѣломъ и не требующими введенія ихъ въ кругъ задачъ личной и общественной дѣятельности. Если намъ, съ надеждой получить какую-либо помощь укажутъ на

ближняго, порвавшаго общеніе съ Церковью и погибающаго для спасенія, то многіе спокойно отвѣтятъ почти словами Каина: „Развѣ въ этомъ я сторожъ брату моему, это дѣло духовенства?!“ Подобныя чувства въ отношеніи къ высшимъ потребностямъ человѣческой души, конечно, могутъ лишь изсушать въ насъ и безъ того слабые проблески любви къ людямъ и ослаблять самое участіе наше въ жизни Церкви, соединяющей людей въ одинъ живой организмъ, именно на почвѣ совмѣстнаго развитія и осуществленія высшихъ задачъ жизни. Основные принципы церковной жизни, ясно раскрытые св Апостоломъ Павломъ, на практикѣ у насъ почти забыты. Извѣстно, что жизнь Церкви, участіе и взаимоотношеніе въ ней отдѣльныхъ людей представляются проникновенному взору Апостола какъ ростъ единаго живаго Тѣла Христова. (I. Корѳ. XII). Въ живомъ организмѣ отдѣльные его члены, несмотря на свои различія, находятся въ тѣсной связи и взаимоотношеніи одинъ къ другому и ко всему организму въ его цѣломъ. Само нормальное развитіе организма возможно лишь, поскольку общая его жизнь будетъ отражаться въ каждой отдѣльной части и каждая часть содѣйствовать жизни всего организма. Не можетъ, по выраженію Апостола, глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не нужна, или голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Несомнѣнно, если какой-либо членъ тѣла перестанетъ участвовать въ его общей жизни, то и отдѣльный членъ атрофируется, и весь организмъ развивается неправильно

Все тѣло Церкви, по ученію Апостола, развивается, получаетъ приращеніе при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго его члена. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно, что отсутствіе и даже недостаточность активнаго участія мірянъ въ церковной жизни составляетъ нарушеніе ихъ обязанностей къ Церкви и должно вызывать въ обществѣ отчужденіе отъ церковныхъ интересовъ и способствовать смутному и даже неправильному представленію самихъ задачъ и потребностей Церкви. Укорененіе взгляда на церковное дѣло, какъ не на свое дѣло и отсутствіе въ немъ живаго участія со стороны народа, конечно, поддерживаетъ и то разъединеніе между духовенствомъ и обществомъ, которое сами духовные называютъ глубокимъ. Возложеніе-же всѣхъ заботъ о церковномъ организмѣ на однихъ, хотя-бы и высшихъ его членовъ, духовенство, да еще при излишнемъ вліяніи на него инаго начала, государственнаго, естественно, должно сопровождаться неправильнымъ ходомъ церковной жизни. А объ этомъ уже давно твердятъ не только свѣтскія лица, желающія блага Церкви, но въ послѣднее время вполнѣ открыто и сами духовные.

Къ чему можетъ вести иногда недостаточность дѣятельнаго участія въ Церкви всѣхъ ея членовъ, хорошо уясняется, напр., если подробнѣе остановить вниманіе на одной важной задачѣ Церкви, выдвигаемой современной жизнью почти на первый планъ. Задача

эта прямо вопіетъ о необходимости активнаго участія мірянъ въ дѣлахъ Церкви

Мы уже видѣли, какъ нужна обдуманная, вооруженная мыслію и знаніемъ, стоящими въ уровень съ современною культурой, борьба съ антихристіанскимъ духомъ вѣка. Такимъ путемъ очень многіе могутъ быть предохранены отъ увлеченія и соблазна и облегчено возвращеніе въ Церковь отъ нея отпавшихъ. Для успѣха же въ борьбѣ должно оказать большую помощь разъясненіе христіанскихъ идеаловъ жизни, примѣняясь къ состоянію сознанія и особенностямъ людей. Но подобная дѣятельность требуетъ пониманія запросовъ времени, умѣнья думать надъ ними и правильно ихъ изучать. Между тѣмъ, множество людей, нуждающихся въ духовной помощи, среди общества нерѣдко встрѣчаетъ почти Каиновы чувства, а къ духовенству оно потеряло довѣріе и привыкло заподозривать его искренность. Да и само духовенство, глубоко разъединенное съ обществомъ и далекое отъ его интересовъ и запросовъ, обыкновенно оказывается не въ состояніи подѣйствовать какъ должно на сознаніе общества. Слово о христіанской жизни, въ которомъ постоянно нуждаются люди и ожидаютъ его, какъ благодатнаго дождя, обособленность духовенства заключила еще въ устарѣлую, а теперь для многихъ прямо уже въ мертвую форму выраженія, которая сдѣлалась почти неспособной вызывать въ умахъ большинства то, что хочетъ сказать духовенство. Отсюда является взаимное непониманіе и остается одинъ шагъ до взаимнаго раздраженія и пренебреженія. Всѣмъ этимъ, вѣроятно, объясняется отчасти обнаруженіе среди духовенства какого-то равнодушнаго и даже презрительнаго отношенія къ нуждамъ и стремленіямъ окружающаго общества и наклонности искать вины въ самомъ обществѣ Ради собственнаго успокоенія и оправданія своихъ дѣйствій, духовенство, вмѣсто полнаго уясненія себѣ запросовъ времени и примѣненія къ его потребностямъ, не останавливается даже передъ стремленіемъ подорвать самое значеніе разныхъ неотложныхъ нуждъ и пытается объяснять ихъ иногда съ самой дурной стороны. Еще очень недавно значительная часть общества была глубоко оскорблена и возмущена распространеніемъ духовенствомъ, да еще въ церковныхъ проповѣдяхъ, возбуждающихъ въ народѣ вражду сообщеній о японскихъ интригахъ и милліонахъ, которые будто-бы попали въ руки интеллигенціи для поддержанія безпорядковъ.

Такъ, мало-по-малу, произошло разъединеніе русскаго общества съ духовенствомъ, а преимущественно, вслѣдствіе этого, и отпаденіе многихъ отъ Церкви. Духовенству не нужно забывать, что такое положеніе дѣлъ крайне вредно отразилось и на немъ самомъ, и на интересахъ православной Церкви. Одинъ изъ историковъ справедливо указываетъ, что духовенство, замкнутое въ своей средѣ, при наслѣдствен-

ности своего званія, не освѣжаясь притокомъ свѣжихъ силъ извнѣ, постепенно должно было ронять не только свое нравственное вліяніе на общество, но и само должно было постепенно оскудѣвать умственными и нравственными силами, охладѣвать къ движенію общественной жизни и ея интересовъ. Его собственные интересы становились все уже и матеріальнѣе и мало привлекали къ себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія.

Общество охладѣло къ духовенству, мало стало интересоваться его бытомъ и потребностями и начало смотрѣть на священника, какъ на всякаго другаго человѣка, съ которымъ въ жизни иногда приходится неизбѣжно сталкиваться и которому слѣдуетъ платить за трудъ и время.

Общественная холодность къ служенію и обязанностямъ духовенства не могла вредно не повлять и на него самого, потому что едва-ли есть еще сословіе болѣе чувствительное къ нравственнымъ отношеніямъ съ обществомъ, чѣмъ духовенство. Для успѣшнаго исполненія своихъ обязанностей духовенство особенно нуждается въ нравственномъ сочувствіи общества, въ сердечномъ и довѣрчивомъ отношеніи къ его служенію. Нерасположеніе-же окружающаго общества должно отозваться на духовенствѣ, на пониманіи имъ своихъ обязанностей. И если формальное, холодное, но аккуратное исполненіе обязанностей могло-бы въ другой дѣятельности и не имѣть особаго значенія, то въ духовенствѣ оно уже составляетъ несомнѣнный признакъ упадка, равнодушія и апатіи Подобное-же положеніе дѣлъ, съ своей стороны, должно еще болѣе закрѣплять и усиливать установившееся разъединеніе духовенства и общества.

Такимъ образомъ, при уясненіи вопроса о преобладающихъ въ обществѣ взглядахъ на религію и духовенство и о разъединеніи общества и духовенства нельзя упускать изъ виду и роль, которая не могла не принадлежать въ этомъ и самому духовенству Разсмотрѣть историческій процессъ съ этой стороны необходимо для правильнаго пониманія всего дѣла Вѣдь только при правильномъ пониманіи и возможно отысканіе наиболѣе подходящихъ и надежныхъ способовъ и средствъ къ уничтоженію или хотя-бы ослабленію вкравшагося въ нашу жизнь крайне ядовитаго зла Обратить вниманіе на дѣло именно съ этой точки зрѣнія мы считаемъ полезнымъ и потому, что всѣ, занимавшіеся этимъ вопросомъ изъ среды духовенства, обыкновенно освѣщаютъ его односторонне. Во всемъ оказывается виновато само русское общество.. Къ чему оно такъ близко познакомилось съ тлетворнымъ Западомъ? Зачѣмъ оно восприняло его пагубныя идеи и поддалось вліянію протестанства? Зачѣмъ забыло свои русскія старинныя начала? Отчего не повинуется истинной матери своей — Церкви православной? Почему оно отшатнулось отъ духовенства, не довѣря-

етъ его поученіямъ и не желаетъ видѣть въ немъ учрежденныхъ Христомъ пастырей человѣческихъ душъ? Кто-же заставлялъ русское общество установить систему образованія и воспитанія своихъ дѣтей внѣ достаточнаго общенія съ Церковью?.. „Посмотрите на себя, какъ вы плохи,—твердятъ представители духовенства, склонны къ сомнѣніямъ и спорамъ, самомнительны, своевольны... Вы, какъ источники безводные и облака, гонимые вѣтромъ“ .. Вотъ, что въ той или другой формѣ слышится обыкновенно изъ духовной среды по вопросу объ отчужденіи общества отъ Церкви. Даже лица, стремящіяся безпристрастно уяснить себѣ весь ходъ дѣла, и тѣ не рѣшаются взглянуть на него со всѣхъ сторонъ. Вотъ, напр., почтенный и заслуживающій вниманія духовный авторъ чтеній подъ названіемъ „Церковь и интеллигенція“, повидимому, всей душой готовый содѣйствовать сближенію духовенства и общества, но и онъ не посмотрѣлъ на дѣло далѣе установившихся въ духовенствѣ точекъ зрѣнія. По мнѣнію автора, причина разъединенія интеллигенціи и Церкви въ настоящее время въ полной противуположности міросозерцаній Церкви и интеллигенціи. Но такой отвѣтъ развѣ приближаетъ вопросъ къ его разрѣшенію? Объяснять разъединеніе тѣмъ, что общество думаетъ иначе, чѣмъ Церковь, значитъ создать себѣ кругъ, движеніе по которому мыслей почти ничего не внесетъ новаго. Вѣдь уже въ самомъ понятіи глубокаго разъединенія заключается и разница міросозерцаній. Поэтому сводить дѣло къ опредѣленію различія міровоззрѣній, едва-ли значитъ освѣтить его со всѣхъ сторонъ.

Въ то время, какъ Церковь, — утверждаетъ авторъ, — недвижно проповѣдуетъ чрезъ своихъ представителей премудрость Божію, интеллигенція не воспринимаетъ ее, какъ слѣдуетъ, и извращаетъ по своему. Прежде, чѣмъ придавать этому положенію рѣшающее значеніе, возникаетъ вполнѣ естественный вопросъ, достаточно-ли въ Церкви проповѣди, умѣющей говорить уму и сердцу окружающаго общества, да, наконецъ, не затуманивается-ли передъ сознаніемъ большинства современнаго общества премудрость Божія общимъ состояніемъ церковныхъ дѣлъ, сложившимся подъ вліяніемъ историческихъ условій, и не требуетъ-ли прежде всего оно значительныхъ перемѣнъ, чтобы при новыхъ условіяхъ премудрость Божія могла-бы чище и свѣтлѣе представляться человѣческому сознанію? Но вѣдь эти важные вопросы прямо обходятся. Еще болѣе недоумѣнія возбуждаетъ объясненіе авторомъ происхожденія неправильнаго пониманія Церкви, какъ группы лицъ духовныхъ. „Всѣ члены Церкви обязаны дышать однимъ духомъ и питаться одними соками, но съ теченіемъ времени при ослабленіи религіознаго воодушевленія это сохранилось преимущественно у духовенства. Когда свѣтскіе члены все болѣе и болѣе забывали о жизни по духу Христа и погружались въ жизнь по духу міра, духовный

элементъ Церкви оставался вѣками почти недвижимымъ въ своемъ направленіи, являясь и по должности, и по убѣжденію, проводникомъ Христовыхъ началъ въ жизни... Нужно-ли говорить, что для близорукаго глаза и могло показаться, что эти-то проводники Христова духа и есть Христова Церковь“ [1]).

Выходитъ что-то странное. Духовенство является проводниками Христова духа, а у нѣкоторыхъ это вызываетъ представленіе о Церкви, противное этому духу, и притомъ въ направленіи смѣшенія понятія съ самимъ духовенствомъ. Къ сожалѣнію, авторъ ничего не говоритъ, какую-же роль отводитъ онъ духовенству въ дѣлѣ возникновенія указываемаго имъ самимъ очень распространеннаго убѣжденія, что отчужденіемъ отъ Церкви интеллигенція отчуждается, собственно говоря, не отъ духа Церкви, не отъ ея ученія, а отъ представителей Церкви—духовенства? Въ числѣ этой интеллигенціи авторъ самъ признаетъ и людей, не потерявшихъ доселѣ ни вѣры въ Бога, ни жизни по вѣрѣ.

Такимъ образомъ, при разъясненіи важнѣйшаго въ современной жизни вопроса объ отчужденіи общества отъ Церкви такъ и напрашивается заключеніе, что духовенство умываетъ руки съ сознаніемъ своей неповинности въ этомъ ужасномъ фактѣ. Но такое умываніе рукъ, какъ мы видѣли, не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ, а пока въ сознаніи духовенства будетъ дѣйствовать какая-бы то ни было неправда, ему едва-ли можетъ удасться исправить отношенія къ нему общества. Присутствіе неправды скорѣе будетъ вредить возстановленію необходимаго довѣрія и нравственной близости между духовенствомъ и обществомъ.

Современному духовенству во многомъ приходится расплачиваться за грѣхи отцовъ. Въ интересахъ своей пастырской дѣятельности современному духовенству едва-ли было-бы небезполезно открыто отречься отъ многихъ порядковъ и обычаевъ, способныхъ затемнять въ сознаніи общества истинную идею Церкви и духовенства, и стараться объ ихъ измѣненіи. Установленіе, напр., пожалованія духовенству орденовъ было оправдываемо, какъ мы видѣли, указаніемъ на признаніе правленія Церкви болѣе учрежденіемъ политическимъ и на невозможность считать его членовъ „въ прямомъ смыслѣ истинно духовными“, такъ какъ одна одежда, конечно, еще не дѣлаетъ монахомъ. И дѣйствительно, современное общество, а также и раньше, напр, Карамзинъ, Ив. С. Аксаковъ и другіе только такъ и объясняютъ себѣ ношеніе духовенствомъ свѣтскихъ знаковъ отличія, усматривая въ этомъ символъ служенія государству. Поэтому для проведенія въ общество столь нужнаго ему противуположнаго взгляда, что церковное упра-

[1]) Архимандритъ Сергій. Подъ впечатлѣніями жизни. Спб. 1992 г

вленіе имѣетъ свои собственныя цѣли, иныя, чѣмъ государственныя, и что члены его являются людьми въ прямомъ смыслѣ духовными служителями царства не отъ міра сего, нельзя пренебрегать и внѣшними выраженіями и не просить объ удаленіи съ рясы духовенства бросающихся въ глаза орденскихъ лентъ, крестовъ и звѣздъ. Вмѣстѣ съ этимъ для поднятія въ обществѣ духовнаго значенія пастырей было-бы хорошо, если-бы по иниціативѣ именно самого духовенства послѣдовала во всеуслышаніе отмѣна разныхъ порядковъ и распоряженій, вносящихъ дисгармонію въ пастырскія отношенія духовенства къ окружающему обществу. Въ настоящее время дѣло дошло до того, что отъ духовенства требуется уже прямое исповѣдничество, чуть-ли даже не мученичество, чтобы возстановить передъ сознаніемъ людей истинное назначеніе христіанскаго духовенства и поколебать нерасположеніе и недовѣріе къ нему со стороны общества.

Равнодушіе духовенства, не говоря уже о презрѣніи къ потребностямъ и заблужденіямъ общества, должно препятствовать ему относиться къ обществу по примѣру Апостола и отыскивать среди общества алтари невѣдомому Богу (Дѣянія XVII, 22—23) При посѣщеніи языческаго города Аѳинъ взоръ Апостола Павла былъ проникнутъ любовью къ людямъ и потому не пропустилъ тѣ остатки добра и слѣды истины, которые были ясны для сознанія самихъ Аѳинянъ и отъ которыхъ апостолъ могъ отправляться въ своей проповѣди Не имѣя достаточнаго соприкосновенія съ сознаніемъ общества и не чувствуя достаточно живо всего въ немъ происходящаго, духовенство даже при самыхъ вѣрныхъ христіанскихъ взглядахъ должно остаться внѣ историческаго процесса духовной жизни общества и духовенству приходится лишь самому услаждаться созерцаніемъ истины и разрабатывать религіозные вопросы для самого-же себя, что и показываетъ русская духовная литература. Кромѣ того, христіанское ученіе раздается у насъ обыкновенно лишь при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ и въ видѣ проповѣдей, при чемъ активное отношеніе къ этому со стороны слушателей можетъ выразиться лишь однимъ словомъ—аминь. Между тѣмъ, въ области религіозной жизни передъ сознаніемъ общества уже давно накопились цѣлыя ледяныя горы разныхъ вопросовъ и недоумѣній, черезъ которыя требуетъ пройти современное сознаніе и среди которыхъ у многихъ нерѣдко окончательно замерзаетъ пробудившаяся было религіозная мысль, чувство или даже порывъ. Для противодѣйствія этому недостаточно обыкновенныхъ проповѣдей, чтеній и душеполезныхъ книжекъ, а необходимы болѣе живыя сношенія съ людьми, всевозможнаго рода бесѣды и частные разговоры, которые въ настоящее время нужно признать однимъ изъ важныхъ факторовъ въ дѣлѣ распространенія христіанскихъ понятій. Справедливость этого подтверждается, наприм., извѣстнымъ духовнымъ писателемъ, епи-

скопомъ Θеофаномъ. „Слабѣетъ вѣра,—говоритъ онъ,—а лицъ дѣйствующихъ нѣтъ, какъ нѣтъ Соберутъ деньжонокъ, накупятъ книжонокъ и станутъ раздавать даромъ или продавать по дешевой цѣнѣ. Вотъ и все. Мертво. Живыхъ дѣйствователей нѣтъ. И общества не принесутъ ожидаемой пользы. Поджигатели вѣры должны сами горѣть. Горя, ходить всюду и въ устной бесѣдѣ зажигать сердца. Вотъ что потребно".

При разговорѣ обѣ стороны, конечно, могутъ быть одинаково самодѣятельны Вопросы и отвѣты, возраженія и поясненія,—все это можетъ шире и глубже подѣйствовать на душу и не оставлять неясностей и недомолвокъ.

Во всякомъ-же случаѣ, православная Церковь, которая хранитъ въ себѣ истину и имѣетъ цѣлью спасеніе людей, не можетъ не требовать, чтобы члены ея, вооруженные истиннымъ пониманіемъ жизни, уже въ силу самой принадлежности къ Церкви приняли участіе въ той духовной борьбѣ за новое содержаніе жизни и образованіе воззрѣній цѣлыхъ народныхъ массъ, которая теперь происходитъ въ цивилизованной части человѣчества Вѣдь множество людей становятся жертвами преобладающаго духа времени и совершенно не въ силахъ устоять подъ его вліяніемъ Если многіе сами не идутъ въ Церковь или отпали отъ нея, то развѣ Церковь не заставляетъ тѣмъ или инымъ способомъ пойти къ нимъ? Спаситель вѣдь не ожидалъ, пока народъ придетъ къ Нему, а Самъ шелъ къ народу, посѣщая города и селенія. Правда, то было начало христіанской проповѣди, но вѣдь и въ настоящее время мы во многомъ переживаемъ подобныя-же условія; почему-же Церковь не должна послѣдовать примѣру своего Главы, когда она видитъ вокругъ себя цѣлыя массы, ея чуждающіяся и нерѣдко прямо по одному недоразумѣнію? По самому держанію въ себѣ вселенской истины Церковь едва-ли можетъ ограничивать свое попеченіе лишь ей вѣрными и преданными и не простирать свои заботы и на тѣхъ, которые отпали отъ нея. Такія заботы являются тѣмъ необходимѣе, что изъ числа чуждающихся Церкви почти всѣ были приняты въ нее черезъ таинство крещенія, и уже одно это должно побуждать употреблять всевозможные способы для возвращенія ихъ въ Церковь. Наконецъ, духъ ревности по Богѣ, любви и милосердія къ людямъ, живущій въ Церкви, развѣ можетъ допускать индиферентное отношеніе къ печальному состоянію отпавшихъ и не вызывать активныхъ и энергичныхъ стремленій имъ помочь?

Итакъ, дѣятельная внутренняя миссія среди народа и особенно образованной его части составляетъ насущную потребность современной церковной жизни. Какимъ-же образомъ удовлетворить, эту, ничуть не менѣе другихъ важную потребность?

Духовенство, какъ намъ неоднократно и приходилось слышать

отъ его представителей, вѣроятно, спокойно и съ сознаніямъ созерцанія истины скажетъ: пусть люди смиренно идутъ къ намъ, и мы введемъ ихъ въ Церковь. Въ Церкви пусть они и спасаются отъ всякихъ пагубныхъ воздѣйствій.

Но въ томъ-то и бѣда, что подъ вліяніемъ указаннаго историческаго процесса, настоящихъ условій жизни церковной и самого духовенства приходъ къ нему для большинства сдѣлался психологически почти невозможнымъ Одинъ можетъ быть и пошелъ-бы къ духовенству, да его задерживаетъ откуда-то всплывающая мысль, что религія есть нѣчто уже отжившее, а духовенство проповѣдуетъ ее изъ-за собственныхъ интересовъ. Приходу другаго препятствуетъ шевелящееся чувство нерасположенія и недовѣрія къ духовенству. Иной оказывается подавленъ думами, что религія представляетъ политическое средство для поддержанія существующаго неправильнаго строя, а духовенство его защитниковъ и своего рода слугъ государства. Третій пожалуй готовъ прослушать или прочесть поученіе духовнаго лица, да откуда-то заговорившее опасеніе, нѣтъ-ли здѣсь какой-либо скрытой политики, подрываетъ значеніе сказаннаго и не допускаетъ его затронуть сердце. Наконецъ, четвертый, рѣшившійся почему-либо не игнорировать слова и рѣчи духовенства, нерѣдко отходитъ, не пріобрѣтая ничего. Въ нихъ онъ слышитъ или что-то для его сознанія далекое отъ жизни, или въ формѣ не только ему чуждой и мало понятной, но и возбуждающей въ его умѣ иногда не то, что имѣетъ въ виду самъ проповѣдникъ. Трудно, конечно, да и нѣтъ необходимости, перечислять всѣ оттѣнки замѣчаемыхъ въ людяхъ настроеній, которыми выражается отчужденіе ихъ отъ религіи и духовенства. Во всякомъ-же случаѣ разсчитывать, что одно духовенство въ состояніи отвѣтить на указанную церковную потребность, значитъ закрывать глаза на окружающую дѣйствительную жизнь и ея особенности.

Что-же дѣлать?.. Если поглубже вдуматься въ принципы церковной жизни, разъясненные Апостоломъ, мы скоро поймемъ, съ чего должно начать въ настоящее время для обезпеченія правильнаго теченія русской церковной жизни. Полное глубочайшаго смысла уподобленіе Церкви живому Тѣлу Христову всегда и во всѣхъ вопросахъ церковныхъ преобразованій и устройствъ должно служить исходной точкой и руководящимъ мѣриломъ, чтобы не создать условій, препятствующихъ осуществленію истинной идеи Церкви. Одно духовенство, безъ сомнѣнія, не составляетъ Церкви. Самое священство установлено ради всѣхъ ея членовъ. Міряне должны входить въ составъ церковнаго тѣла не менѣе крѣпко и жизненно, чѣмъ и духовные Какой-бы части организма ни приравнивать мірянъ, хотя-бы слѣдуя Оригену, называть ихъ ногами Церкви, въ то время какъ священники представляютъ

очи Церкви, а діаконы—руки, все-таки нужно признать, что при атрофіи или даже только слабости ногъ организмъ не будетъ развиваться во всю полноту, окажется хромымъ или со слабыми средствами движенія во внѣшнемъ мірѣ. Для улучшенія жизни организма прежде всего необходимо оживить и сдѣлать болѣе дѣятельными его ноги, т.-е. возстановить значеніе въ церковной жизни мірянъ, пробудить въ нихъ сознаніе ихъ обязанностей къ Церкви и привлечь къ болѣе активному участію въ ея дѣлахъ Живое дѣйствованіе въ свою мѣру всѣхъ членовъ Церкви особенно необходимо, по замѣчанію Апостола, въ интересахъ дальнѣйшаго роста церковнаго организма во внѣшнемъ мірѣ, приращенія самого Тѣла Церкви. (Ефес. IV, 16).

Такимъ образомъ, понятно, что недостатокъ интереса и отсутствіе дѣятельнаго и даже вполнѣ сознательнаго участія мірянъ въ церковной жизни дѣлаетъ ее несоотвѣтствующей во всемъ ея идеѣ и приводитъ къ невозможности удовлетворить, какъ должно, нѣкоторымъ важнымъ ея потребностямъ. Если-бы за мірянами съ ихъ разнообразіемъ общественныхъ положеній, званій, степеней развитія и направленія дѣятельности было признано принадлежащее имъ право болѣе близкаго участія въ дѣлахъ Церкви, и они почувствовали-бы себя болѣе живыми ея членами, то это не могло-бы не сопровождаться возбужденіемъ большаго интереса и вниманія къ Церкви въ различныхъ слояхъ населенія и даже среди лицъ ея чуждающихся Многіе міряне, хорошо знакомые съ запросами времени и, можетъ-быть, сами переживавшіе всѣ его волненія и сомнѣнія, при такихъ условіяхъ могли-бы глубже и яснѣе распознать свои обыкновенно забываемыя обязанности къ ближнимъ, какъ членамъ единаго Тѣла Христова, указываемыя Апостоломъ: увѣщевать и назидать другъ друга, вразумлять безчинныхъ, утѣшать малодушныхъ, поддерживать слабыхъ, наблюдать, чтобы кто не лишился благодати Божіей и чтобы какой горькій корень, т.-е. вредное ученіе, возникнувъ, не причинилъ вреда и чтобы имъ не осквернились многіе (1 Θессалон. V, 11 и 14; Евр. XII, 15). По условіямъ времени немало людей, нуждающихся въ духовной помощи другихъ, гораздо скорѣе вступятъ въ надлежащее общеніе съ мірянами, принадлежащими къ Церкви, чѣмъ съ духовенствомъ.

Кромѣ того, замѣтить во время появленіе какого-либо горькаго корня и предохранять отъ его вреднаго вліянія другихъ возможно лишь при достаточно близкомъ соприкосновеніи съ окружающей жизнью, а въ настоящее время духовенство глубоко разъединено съ обществомъ

Поэтому, конечно, интересы Церкви возлагаютъ удовлетвореніе такой потребности на способныхъ къ этому мірянъ. Передъ мірянами естественно скорѣе могутъ потерять силу разныя предубѣжденія современнаго общества, напримѣръ, что религія проповѣдуется изъ-за

выгодъ духовенства или что она не мирится съ настоящимъ уровнемъ знаній, культуры и т п По многимъ религіознымъ вопросамъ и недоумѣніямъ міряне лучше поймутъ другъ друга и скорѣе найдутъ надежную почву для соглашенія.

Подобная роль мірянъ, вполнѣ оправдываемая апостольской идеей Церкви и въ настоящее время составляющая ихъ обязанность, обнаружилась уже въ ея исторіи, особенно въ тѣ времена, когда заботы Церкви были направлены не только къ сохраненію своихъ членовъ, но не менѣе и къ привлеченію новыхъ Еще въ Дѣяніяхъ Апостоловъ, по признанію многихъ, есть прямыя указанія на участіе въ христіанской проповѣди простыхъ вѣрующихъ (Дѣянія VIII, 1—4 и XI, 1, 19—21) Древніе памятники говорятъ также о дидаскалахъ или учителяхъ, которыхъ нельзя причислять къ іерархіи. По свидѣтельству историковъ, учителя эти въ живой формѣ вели бесѣды о предметахъ вѣры и вообще древняя Церковь въ дѣлѣ проповѣди отдавала предпочтеніе болѣе личнымъ и умственнымъ способностямъ, чѣмъ званію.

Не слѣдуетъ затѣмъ забывать извѣстную школу катехизаторовъ въ Александріи Школа эта была основана мірянами и по формѣ ничѣмъ не отличалась отъ древнихъ философскихъ школъ; участіе въ школѣ не требовало какихъ-либо формальностей Собранія происходили во всякій часъ дня въ домѣ христіанскаго учителя, и на нихъ являлись мужчины и женщины, язычники, іудеи и христіане Кромѣ чисто религіозныхъ предметовъ, преподаваніе обнимало и другія науки, и даже изложеніе разныхъ системъ философіи. Оно соразмѣрялось со степенью образованія и состоянія каждаго. Александрія представляла тогда важный центръ Въ немъ достаточно сильно отражалось настроеніе умовъ древняго міра, и въ него стекались самые разнородные элементы. И вотъ, среди волнующихся человѣческихъ мнѣній и порывовъ катехизаторская школа служила какъ-бы свѣточемъ, которымъ передъ сознаніемъ каждаго такъ или иначе освѣщалось истинное ученіе о жизни Первымъ наставникомъ Александрійской школы исторія называетъ Пантена, бывшаго стоическаго философа. По принятіи христіанства Пантенъ, оставаясь міряниномъ и пользуясь всѣми родами знанія, распространялъ среди язычниковъ христіанство и черезъ понятное изученіе св. Писанія подготовлялъ оглашенныхъ къ принятію крещенія. Преемникомъ Пантена былъ Климентъ Александрійскій, а затѣмъ ученикъ Климента Оригенъ Всѣ они слѣдовали направленію и примѣру Пантена. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что основной методъ Александрійской школы состоялъ въ пробужденіи всевозможными способами самодѣятельности человѣческаго духа относительно христіанской истины. Дѣятельность школы оказалась соотвѣтствующей потребностямъ человѣческой природы, несмотря на все разнообразіе посѣтителей школы и, по свидѣтельству исторіи, принесла обильные плоды въ приращеніи Тѣла Христова

Не менѣе ярко выступаетъ изъ глубины вѣковъ значеніе для Церкви духовной дѣятельности въ ея интересахъ мірянъ въ трудахъ, такъ называемыхъ, апологетовъ христіанства, какъ напримѣръ св. Іустина философа и другихъ Іустинъ всюду искалъ истинныхъ началъ жизни, способныхъ удовлетворить высшія потребности человѣческой природы, и для этого изучилъ всѣ системы философіи, но его жаждующая истины душа могла успокоиться только въ христіанствѣ. По собственному сознательному опыту, св Іустинъ, конечно, хорошо понималъ, какъ удобнѣе многихъ приводить ко Христу. И вотъ въ Римѣ онъ основалъ школу, подобную Александрійской.

Въ интересахъ проповѣди христіанства св. Іустинъ не измѣнилъ внѣшняго образа жизни, не пересталъ носить даже прежній философскій плащъ и старался ничѣмъ не выдѣляться изъ среды нехристіанъ. Это облегчало къ нему доступъ всѣмъ для откровенныхъ и простыхъ бесѣдъ, напримѣръ Трифону іудею, который, вѣроятно, не пошелъ-бы такъ легко къ явному по одеждѣ христіанину или еще тѣмъ болѣе лицу духовному. Для болѣе успѣшнаго распространенія христіанства св. Іустинъ, согласно съ запросами того времени, признавалъ необходимымъ близкое знакомство со взглядами и настроеніями окружающаго общества и пріобрѣтенія и обыкновенныхъ знаній Ограничиться-же противупоставленіемъ передъ общественнымъ сознаніемъ людямъ колеблющимся въ вѣрѣ и ея врагамъ защитниковъ, вооруженныхъ однимъ религіознымъ образованіемъ, значило-бы, по его мнѣнію, подвергать ихъ явной опасности оказаться пораженными въ глазахъ очень многихъ

Подобную дѣятельность мірянъ не считали тогда ненормальной съ церковной точки зрѣнія, и духовенство, повидимому, вполнѣ ей сочувствовало. Можетъ быть, кто-либо подумаетъ, что и теперь никто не мѣшаетъ дѣйствовать подобно св. Іустину философу, Пантену, Оригену и друг. Но пусть думающій такъ попробуетъ самъ дѣлать это и столкнуться съ условіями окружающей жизни. Мірянинъ, пытающійся открыто во имя христіанства бороться съ духомъ времени, не закрывая при этомъ ни на что глаза, какъ подобаетъ при уясненіи истины, сейчасъ-же обыкновенно почувствуетъ въ той или иной формѣ нерасположеніе къ этому со стороны представителей Церкви. Литературное его произведеніе подвергнется особенно строгой и внимательной къ нему духовной цензурѣ. Иногда продолжительные труды, старанія поглубже изучить потребности и запросы времени—все это оказывается зависящимъ отъ личности духовнаго цензора. Недостаточное знакомство съ окружающей жизнью самого цензора, непониманіе имъ ея запросовъ, а особенно страхъ передъ начальствомъ, нерѣдко совершенно неожиданно рѣшаютъ судьбу всего сочиненія. Конечно, не у многихъ хватитъ энергіи и терпѣнія подвергать подоб-

ному риску свои труды. Двѣ-три попытки и религіозная мысль мірянина слабѣетъ, а то и вовсе замираетъ... Если-же міряне пожелали-бы получить согласіе церковной власти на открытіе какихъ-либо устныхъ бесѣдъ въ интересахъ взаимнаго обмѣна мыслей и разъясненія религіозныхъ вопросовъ, не говоря уже объ активной духовной дѣятельности среди общества, то ихъ обыкновенно встрѣтитъ недоумѣвающій взглядъ епископа. На его лицѣ иногда такъ прямо и вырисовывается: вмѣшательство не въ свои дѣла, развѣ недостаточно для этого духовенства; какъ-бы чего изъ этого не вышло, и т. п. Отсюда при нежеланіи дѣйствовать безъ согласія іерархіи естественно наступаетъ охлажденіе интереса, и возбужденные порывы гаснутъ Обнаруживаемыя-же отдѣльныя попытки мірянъ какъ-либо духовно послужить Церкви, въ лучшемъ случаѣ, иногда прямо по необходимости, лишь терпимы. Не связанныя общею церковною жизнью въ живое единство, онѣ являются разрозненными и не могутъ получить того значенія, какое они могли-бы имѣть и какого требуютъ самые запросы времени. Такимъ образомъ, для удовлетворенія современной потребности Церкви вести борьбу съ антихристіанскимъ духомъ и содѣйствовать возвращенію отпавшихъ, безъ сомнѣнія, необходимо, уже имѣвшее въ исторіи мѣсто, дѣятельное участіе въ этомъ со стороны мірянъ

На этой сторонѣ церковной жизни мы остановились лишь для примѣра, на которомъ въ настоящее время особенно уясняется долгъ мірянъ по отношенію къ Церкви Но если взять церковную жизнь шире, то активное участіе мірянъ не можетъ быть отвергаемо и въ другихъ ея сторонахъ. Вѣдь если міряне составляютъ какую-бы то ни было живую часть церковнаго организма, то понятно, что такъ или иначе, болѣе или менѣе, они должны живымъ образомъ обнаруживать себя въ дѣлахъ церковныхъ И дѣйствительно, по ученію православнаго церковнаго права, согласнаго съ апостольской идеей Церкви, безъ единства всѣхъ ея членовъ, безъ совмѣстнаго дѣйствія ихъ по своему произволенію въ пользу общаго блага, неизбѣжно долженъ пострадать хотя какой-либо изъ членовъ и самая цѣль Церкви не будетъ достигнута. Поэтому каждому члену Церкви, безъ различія своего въ ней положенія, потребно содѣйствовать по своимъ силамъ и способностямъ общему дѣлу, ради котораго существуетъ самая Церковь, и это содѣйствіе входитъ какъ въ обязанность іерархіи, такъ и вѣрующихъ мірянъ. Требованіе отъ мірянъ быть живыми и дѣятельными членами Церкви указываетъ на необходимость признанія іерархіей ихъ правъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Церкви. Представитель современной науки церковнаго права, епископъ Далматинскій Никодимъ, разъясняетъ, что міряне могутъ и должны содѣйствовать іерархіи и въ ея власти учительства и во власти священнодѣйствованія. Вмѣстѣ съ іерархіей міряне составляютъ одно священство, своими молит-

вами при богослуженіи они вступаютъ въ таинственную сторону священническаго служенія и принимаютъ активное участіе и въ этой отрасли власти, къ которой, въ частности, призвана іерархія Самое-же большое участіе вѣрующихъ мірянъ Церковь, по утвержденію епископа Никодима, всегда признавала въ дѣлахъ, касающихся третьей отрасли церковной власти, ввѣренной іерархіи, именно во власти управленія внѣшнею жизнью Церкви. Это участіе проявлялось, какъ въ церковныхъ соборахъ, такъ и въ выборѣ священнослужителей, и въ управленіи церковнымъ имуществомъ.

Для уясненія принциповъ устройства какихъ-либо учрежденій всегда полезно перенестись въ тѣ времена, когда они только что формируются, преимущественно, подъ вліяніемъ своихъ внутреннихъ цѣлей. Передъ нами по всѣмъ основнымъ вопросамъ церковнаго управленія всегда будетъ сіять особеннымъ свѣтомъ эпоха первыхъ вѣковъ христіанства. А тогда Апостолы, не смотряна все изобиліе своихъ духовныхъ даровъ, никогда не дѣйствовали секретно отъ вѣрующихъ и не предпринимали какихъ-либо мѣръ, не посовѣтовавшись предварительно со всею Церковью даннаго мѣста. На Апостольскомъ Соборѣ, по вопросу о значеніи Моисеева закона, участвовали Апостолы, пресвитеры и братія (Дѣянія XV, 22—23). Только по совѣщаніи со всѣми, Апостолы совершали дѣло церковнаго управленія, которое профессоръ Заозерскій прямо называетъ открытымъ, публичнымъ, общественно-совѣщательнымъ [1]).

Не входя здѣсь въ болѣе подробное изслѣдованіе вопроса, мы ограничимся достаточно подтверждаемымъ исторіей замѣчаніемъ, что въ первые вѣка міряне обнаруживали вполнѣ активное участіе въ дѣлахъ церковныхъ и само духовенство считало необходимымъ въ той или иной формѣ прислушиваться къ ихъ голосу, и голосъ этотъ имѣлъ положительное вліяніе. Духовенство или ждало отъ мірянъ согласія на свои распоряженія, или призывало ихъ въ свидѣтели своихъ дѣйствій, или требовало отъ нихъ совѣта и указаній.

Особенно сильное вліяніе міряне проявляли при избраніи духовныхъ лицъ. Извѣстно, что такія великія свѣтила Церкви, какъ св. Кипріанъ Карѳагенскій, св Аѳанасій Великій, св. Иларій Пиктавійскій, св. Мартинъ Турскій, св. Амвросій Медіоланскій, св. Іоаннъ Златоустъ, св. Василій Великій и др. были избраны въ епископы при участіи народа и даже подъ вліяніемъ его настойчивыхъ требованій, между тѣмъ, какъ многіе изъ духовенства старались препятствовать возведенію въ епископы иныхъ самыхъ лучшихъ церковныхъ учителей. Изученіе церковной исторіи въ этомъ отношеніи, конечно, не безъ достаточнаго основанія даетъ поводъ инымъ историкамъ обращать вниманіе на то,

---

[1]) Заозерскій. О церковной власти Сергіевскій Посадъ. 1894 г

что выборъ народа, чуждый іерархическихъ козней, подпольныхъ интригъ и мелочныхъ проявленій личной зависти, часто бывалъ мудрѣе и вѣрнѣе, чѣмъ выборъ духовенства [1]).

Міряне не исключались даже отъ участія въ церковномъ судѣ, въ разрѣшеніи вопросовъ объ отлученіи отъ Церкви, публичномъ покаяніи и принятіи въ общеніе Св Кипріанъ Карѳагенскій, напримѣръ прямо считалъ необходимымъ положить себѣ за правило ничего не дѣлать по одному своему усмотрѣнію безъ совѣта пресвитеровъ и діаконовъ и безъ согласія народа [2]). Правильное разсужденіе даже о дѣлахъ падшихъ св Кипріанъ находилъ возможнымъ лишь при составленіи общаго совѣта съ епископами, пресвитерами, діаконами и твердыми въ вѣрѣ мірянами [3]). Такого-же взгляда держалось духовенство и другихъ Церквей.

Сохранились свѣдѣнія, что въ нѣкоторыхъ африканскихъ Церквахъ изъ народа избиралось нѣсколько лицъ, не имѣвшихъ церковной степени, которыя пользовались особымъ уваженіемъ и правами въ церковномъ управленіи.

Если вспомнить затѣмъ исторію вселенскихъ и помѣстныхъ Соборовъ, когда Церковь особенно ясно высказывала свой голосъ, то вѣдь соборы эти вовсе не состояли изъ однихъ епископовъ, а, по справедливому замѣчанію профессора Заозерскаго, являлись всецерковнымъ собраніемъ, собраніемъ всѣхъ лучшихъ силъ Церкви. Кромѣ епископовъ, на соборахъ принимали участіе, хотя и на иныхъ условіяхъ, клиръ, міряне, впослѣдствіи монахи и представители государственной власти, какіе-бы вопросы ни были предметомъ соборныхъ разсужденій и опредѣленій Одно изъ внѣшнихъ условій самого признанія того или другаго собора за вселенскій составляетъ принятіе его рѣшеній всѣмъ клиромъ и народомъ Церкви

Исторія Соборовъ показываетъ, что большинство изъ іерархіи иногда оказывалось неправославнымъ и постановляло рѣшенія, искажающія ученіе Церкви, но народъ отказывался придавать имъ значеніе и не соглашался съ іерархіей. Такъ, цѣлый рядъ соборовъ и въ томъ числѣ Медіоланскій, на которомъ присутствовало болѣе 200 епископовъ востока и запада, принималъ сторону аріанства и низлагалъ защитника православной вѣры, св. Аѳанасія Великаго. На соборѣ въ Римини, въ Италіи, 400 епископовъ и на соборѣ въ Селевкіи, на Востокѣ, 200 епископовъ признали аріанскій символъ вѣры. Исторія отмѣчаетъ также соборъ въ Ефесѣ, созванный при императорѣ Ѳеодосіи Младшемъ въ качествѣ вселенскаго и получившій впослѣдствіи печальное названіе „Разбойничьяго“. На соборѣ этомъ участво-

---

[1]) Фарраръ. Жизнь и труды св. отцевъ и учителей Церкви Глава IV.

[2]) Творенія Священномученика Кипріана, ч I. Кіевъ 1891 г Письмо 27

[3]) Ibid. Письмо 47

вало около 130 епископовъ; онъ открыто провозгласилъ монофизитство и погубилъ православнаго патріарха Флавіана. Соборъ Константинопольскій, созванный въ 1154 году въ качествѣ вселенскаго и состоявшій изъ 338 отцовъ, склонился, какъ извѣстно, на сторону иконоборцевъ и предалъ анаѳемѣ св Іоанна Дамаскина и св. патріарха Германа, представителей православія.

При такихъ свидѣтельствахъ исторіи вполнѣ естественно, что восточные патріархи въ своемъ Окружномъ посланіи 6 мая 1848 года ко всѣмъ православнымъ христіанамъ категорически высказали, что стражъ благочестія есть само Тѣло Церкви, т.-е. самый народъ. Это нужно признать основной истиной православной Церкви, вытекающей изъ самой идеи Церкви и подтверждаемой опытомъ исторіи.

Болѣе или менѣе значительное активное участіе мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ обнаруживалось въ прежнее время и въ исторіи Русской Церкви, причемъ степень этого участія обыкновенно оказывалась въ большомъ соотвѣтствіи съ той ролью, какая принадлежала въ данномъ мѣстѣ народу въ дѣлахъ общаго, государственнаго управленія Тамъ, гдѣ народъ наиболѣе сильно проявлялъ себя въ общемъ управленіи, какъ напримѣръ, въ Новгородѣ, особенно значительно было и вліяніе народа въ дѣлахъ церковныхъ.

Очень много историческихъ данныхъ указываетъ на участіе Русскаго народа въ избраніи духовныхъ лицъ. Въ Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописяхъ, напримѣръ, подъ 1183—1185 годами разсказывается, что послѣ смерти Ростовскаго епископа Леона, князь Суздальскій Всеволодъ просилъ Кіевскаго князя Святослава и митрополита Никифора посвятить на мѣсто Леона игумена Спасскаго монастыря Луку. Митрополитъ не пожелалъ этого, а поставилъ въ Ростовъ епископа Николая Грека, по замѣчанію лѣтописца, „на мздѣ“. Но князь отказался его принять съ объясненіемъ, что Николая „не избрали люди земли нашей“. Лѣтописецъ-же кромѣ того прибавляетъ: „нѣсть достойно наскакати на святительскій чинъ на мздѣ, но его-же Богъ позоветъ и св. Богородица, князь восхочетъ и людіе“ [1])

Такимъ образомъ, избраніе людьми земли, желаніе князя и народа служили основаніемъ законности избранія епископовъ. Этотъ порядокъ церковные историки признаютъ общимъ для того времени. Какъ согласный съ древними обычаями, онъ, по утвержденію митрополита Макарія, считался тогда законнымъ, между тѣмъ какъ самовольное постановленіе куда-либо епископа митрополитомъ разсматривалось, какъ незаконное [2]).

Въ лѣтописяхъ сохранились, кромѣ того, свѣдѣнія, что въ нѣкото-

---

[1]) Полное собраніе лѣтописей т. I и II.

[2]) Исторія Русской Церкви т III

рыхъ мѣстахъ при неправильныхъ дѣйствіяхъ или дурной жизни епископа народъ удалялъ его съ кафедры

О порядкѣ избранія епископа въ Новгородѣ можно читать, напримѣръ, въ Первой Новгородской лѣтописи. Здѣсь подъ 1156—1158 годами записано, что по смерти архіепископа Нифонта собрался весь градъ и избрали себѣ епископомъ Аркадія, взяли его изъ монастыря пр. Богородицы и поручили ему епископію, а затѣмъ Аркадій долженъ былъ ожидать посвященія отъ митрополита. Избраніе епископа совершалось княземъ вмѣстѣ съ духовенствомъ и народомъ, причемъ избранными бывали, какъ лица чернаго, такъ и бѣлаго духовенства. Когда въ 1230 году нужно было приступить къ избранію епископа, князь прямо предложилъ народу искать для этого лицъ „въ попѣхъ-ли, въ игуменехъ-ли, въ черныцихъ-ли“ Въ виду-же того, что общее избраніе не остановилось на одномъ лицѣ, а голоса раздѣлились между тремя кандидатами, князь предложилъ рѣшить выборъ между ними путемъ жребія. Жребій палъ на Спиридона, который и былъ поставленъ воепископы [1]).

Выборъ архіепископа въ Новгородѣ сосредоточивался на лицахъ мѣстнаго духовенства, чернаго или бѣлаго, причемъ все вниманіе обращалось на личныя качества избираемаго, каковъ-бы ни былъ его санъ. Избранный сейчасъ-же вступалъ въ управленіе епархіей, не ожидая посвященія, которое совершалось спустя нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ

Историки утверждаютъ, что участіе князей и народа въ дѣлахъ церковныхъ обнаруживалось также въ открытіи новыхъ епархій, иногда въ установленіи праздниковъ, какъ, напримѣръ, 18 іюля—въ память явленія Богоматери Андрею Боголюбскому и 1 августа—по случаю побѣды надъ Болгарами, а затѣмъ въ избраніи игуменовъ, въ перемѣщеніи и удаленіи ихъ отъ должностей [2]).

По мѣрѣ централизаціи Россіи, съ уменьшеніемъ активнаго участія народа въ дѣлахъ общаго управленія, все болѣе и болѣе падало оно и въ дѣлахъ церковныхъ, пока наконецъ вовсе не было подавлено государственно-бюрократическимъ началомъ, съ теченіемъ времени столь сильно проникшемъ во все церковное управленіе.

Слѣдуетъ обратить вниманіе, что еще сильнѣе проявлялось участіе народа въ дѣлахъ церковныхъ въ Западной Россіи. Этому во многомъ способствовали, конечно, и самыя условія, въ которыхъ находилась тамъ Церковь

Польское правительство, какъ иновѣрное, не могло заботиться о благѣ мѣстной православной Церкви и на него нельзя было возлагать какія-либо надежды въ этомъ отношеніи Вмѣшательство въ дѣла цер-

---

[1]) Полное собраніе лѣтописей, т. III.

[2]) Митрополитъ Макарій. Исторія Русской Церкви, т. III, гл V.

ковныя со стороны правительственной власти никакъ не могло замѣнить собой участіе народа. Кромѣ того, подъ давленіемъ католицизма польское правительство вмѣстѣ съ римско-католическимъ духовенствомъ нерѣдко прямо угнетало и преслѣдовало православныхъ Православной Церкви въ западно-русскихъ областяхъ приходилось вести борьбу за свое существованіе.

При такихъ условіяхъ церковная жизнь, естественно, требовала особенно близкаго единенія духовенства и мірянъ и возможно живаго участія въ ея дѣлахъ всѣхъ членовъ Церкви. Для удовлетворенія церковныхъ нуждъ и были вызваны къ жизни съ XV столѣтія извѣстныя западно-русскія братства. Братства эти объединяли людей, желавшихъ служить Церкви, и дѣятельная роль въ нихъ принадлежала мірянамъ Главныя или, такъ называемыя, ставропигіальныя братства: Львовское въ Галиціи, Виленское на Литвѣ, Могилевское въ Бѣлоруссіи, Луцкое на Волыни и Кіевское въ Малороссіи были изъяты даже изъ вѣдѣнія епархіальной власти и поставлены въ непосредственную зависимость отъ Константинопольскаго патріарха.

Весьма многія историческія данныя свидѣтельствуютъ, что въ Западной Россіи за мірянами признавалось право очень дѣятельнаго участія въ избраніи митрополита и епископовъ. Въ 1620 году въ Кіевъ прибылъ Іерусалимскій патріархъ Θеофанъ, получившій уполномочіе отъ патріарха Константинопольскаго на совершеніе священнодѣйствій и распоряженія въ епархіяхъ, подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху. Когда къ Θеофану со всѣхъ сторонъ собрались духовенство и міряне и просили поставить православнаго митрополита и епископовъ, то патріархъ посовѣтовалъ произвести избраніе имъ самимъ. Избранныя лица и были посвящены Θеофаномъ [1]).

Въ актѣ избранія Петра Могилы митрополитомъ Кіевскимъ, составленномъ въ 1632 году въ Варшавѣ, прямо сказано, что сановники, рыцарство и духовенство всѣ сообща участуютъ въ избраніи общаго пастыря—митрополита, согласно древнимъ правиламъ и обычаямъ, и что это древнее право вмѣстѣ со свободою избирать вольною подачею голосовъ какъ митрополита, такъ и другихъ епископовъ имъ возстановлено. Поэтому они избираютъ тѣхъ, кого самъ Богъ указалъ ихъ сердцамъ [2]).

При отсутствіи надежды на охрану вѣры и Церкви со стороны правительственной власти, Западная Русь, естественно, должна была придавать особое значеніе созывамъ помѣстныхъ Соборовъ, на которыхъ участвовали и нравственно соединялись-бы всѣ члены Церкви.

---

[1]) Отрывокъ изъ грамоты патріарха Θеофана православнорусcамъ Матеріалы для исторіи Западно-Русской Церкви въ XVI и XVII в ѣ С. Голубева, № 37, и Лѣтопись монастыря Густынскаго. Чтенія въ обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ. 1848 г. № 8.

[2]) Напечатанъ въ собр соч М А. Максимовича, т. I Отдѣлъ историческій. Кіевъ 1876 г.

Объединенные общимъ соборнымъ рѣшеніемъ, они тѣмъ успѣшнѣе могли дѣйствовать въ защиту и во благо православной Церкви.

Когда было рѣшено, наприм., созвать въ Кіевѣ Соборъ по вопросу объ уніатахъ, то православная іерархія признала нужнымъ пригласить на него не только духовенство, но и мірянъ, въ лицѣ избранныхъ ими представителей, чтобы всѣ вмѣстѣ въ духѣ братской любви и съ желаніемъ мира разсудили возникшіе церковные вопросы.

Въ изданной по этому поводу 26 мая 1623 года грамотѣ митрополита Іова Борецкаго сказано, что „онъ по изволенію св. Духа вмѣстѣ съ находящимися при немъ епископами, архимандритами и другими духовными и свѣтскими лицами созываетъ въ Кіевѣ на праздникъ Успенія полный Соборъ и проситъ прислать на него избранныхъ мужей отъ всѣхъ повѣтовъ, отъ лица духовенства, дворянства, братствъ и всего народа [1]).

Подобно этому и митрополитъ Петръ Могила на извѣстный помѣстный Соборъ 1640 года въ Кіевѣ, созванный для разрѣшенія важныхъ церковныхъ вопросовъ, приглашалъ именемъ Господнимъ, какъ лицъ духовныхъ, имѣющихъ преимущество и къ совѣщанію духовному способныхъ, такъ и ихъ милостей свѣтскихъ братій, ревнующихъ о благочестіи и свѣдущихъ въ правилахъ церковныхъ [2]). Вмѣстѣ съ этимъ митрополитъ просилъ духовныхъ и мірянъ предоставить ихъ уполномоченнымъ на Соборѣ точныя инструкціи по вопросамъ о ихъ нуждахъ. Кіевскій Соборъ 1640 года коснулся многихъ сторонъ церковной жизни. На немъ обсуждался, между прочимъ, извѣстный катехизисъ подъ названіемъ: „Православное исповѣданіе Каѳолической и Апостольской Церкви Восточной“, составленный по порученію и при участіи Петра Могилы

Активное участіе мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ, болѣе или менѣе, приближающееся къ древнимъ формамъ церковной жизни, и въ настоящее время имѣетъ мѣсто во многихъ самостоятельныхъ православныхъ церквахъ Востока. Въ Константинопольскомъ Патріархатѣ, кромѣ священнаго Синода изъ 12 архіереевъ подъ предсѣдательствомъ патріарха, вѣдающаго дѣла чисто духовныя, существуетъ еще Смѣшанный Совѣтъ для управленія остальными дѣлами Церкви. Онъ состоитъ также изъ 12 членовъ, изъ которыхъ 4—архіерея, а 8—міряне. Предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ или патріархъ, или старѣйшій изъ его духовныхъ членовъ.

---

[1]) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверозападной Руси, т. II, № 32 Вильна, 1867 г

[2]) Пригласительное посланіе Петра Могилы на Кіевскій Соборъ къ Луцкой братіи. Памятники изданные Кіевской комиссіею для разбора древнихъ актовъ, т I., № XXII Кіевъ 1898 г. Грамота Петра Могилы братству Слуцкому на Кіевскій Соборъ. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи, № 115. Минскъ 1848 г.

Служеніе членовъ Совѣта продолжается два года, и каждый годъ половина ихъ выбываетъ и замѣняется новыми. Въ самомъ избраніи патріарха мірянамъ отведена значительная роль Въ избирательный Совѣтъ, кромѣ епископовъ, входятъ изъ мірянъ три главныхъ члена патріаршаго Совѣта, члены Смѣшаннаго Совѣта, 8 представителей отъ чиновниковъ, губернаторъ острова Самоса, 4 извѣстныхъ ученыхъ, 16 выборныхъ отъ торговаго и ремесленнаго классовъ, 2 выборныхъ отъ приходскихъ церквей Константинополя и 28 представителей отъ епархій.

Подобно этому и въ православной Карловицкой патріархіи въ Венгріи, кромѣ архіерейскаго Синода изъ митрополита въ качествѣ предсѣдателя и 6 епископовъ, церковно-правительственными дѣлами завѣдуетъ Народно-церковный Соборъ. Архіерейскій Синодъ созывается однажды въ годъ патріархомъ по полученіи дозволенія императора. Народно-церковный-же Соборъ собирается патріархомъ съ такого-же дозволенія императора каждые три года и состоитъ изъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ, 25 представителей отъ духовенства и 50 отъ мірянъ. Предсѣдателемъ собора является патріархъ, а товарищъ его избирается изъ представителей отъ мірянъ. Управленіе текущими дѣлами, разсматриваемыми соборомъ, ввѣрено Соборному Совѣту изъ 9 членовъ: патріарха-предсѣдателя, одного епископа, двухъ членовъ изъ духовенства и 5 членовъ-мірянъ; Народно-церковному Собору принадлежитъ и право избранія Карловицкаго патріарха.

Народно-церковный Соборъ изъ патріарха, епархіальныхъ епископовъ, 30 духовныхъ и 60 народныхъ представителей вѣдаетъ церковными дѣлами и избраніемъ митрополита и въ Сибинской митрополіи въ Венгріи и Трансильваніи.

Міряне, въ числѣ шести, избираемые на 4 года клиромъ и народомъ всѣхъ епархій, входятъ въ составъ Экзархійскаго Совѣта Болгарской Церкви, въ которомъ предсѣдательствуютъ экзархъ. Представители мірянъ участвуютъ и въ избраніи экзарха.

Въ Сербской Церкви въ избирательный Соборъ для выбора митрополита Сербскаго, кромѣ епископовъ, входятъ архимандриты, всѣ окружные протопресвитеры и протопресвитеры Бѣлграда и Ниша, а также предсѣдатель и товарищъ предсѣдателя народной скупщины, предсѣдатель совѣта министровъ, министръ просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ, предсѣдатели государственнаго совѣта, кассаціоннаго суда, главнаго контроля, ректоръ великой школы и ректоръ богословія.

По закону 14 декабря 1872 года, въ избраніи митрополита Румынскаго вмѣстѣ съ епархіальными епископами принимаютъ участіе и депутаты народнаго собранія и всѣ сенаторы православнаго вѣроисповѣданія.

Такимъ образомъ, общая забота о благѣ Церкви и ея дѣлахъ должна составлять одно изъ объединяющихъ началъ, какъ между са-

ними мірянами, такъ особенно между іерархіей и мірянами. Активное участіе въ этихъ заботахъ со стороны мірянъ вовсе не можетъ быть разсматриваемо, какъ вторженіе мірянъ не въ свою сферу или умаленіе правъ іерархіи. Напротивъ, произволъ, неограниченность управленія, властолюбіе со стороны іерархіи въ дѣлахъ церковныхъ былибы несогласны и съ самой идеей христіанской Церкви, и съ духомъ любви и уваженія къ личности каждаго какъ человѣка и христіанина. „Въ Церкви,—по глубокому замѣчанію св. Іоанна Златоустаго,—нѣтъ мѣста ни высокомѣрію начальствующихъ, ни раболѣпству подчиненныхъ“. Служеніе епископское, по разъясненію другаго св. отца, Исидора Пелусіота, есть служеніе, подлежащее отвѣтственности, а не власть несудимая, отеческая попечительность, а не самоуправное самозаконіе, домостроительная распорядительность, а не безотчетное властвованіе [1]).

При разрѣшеніи вопросовъ церковнаго управленія, чтобы не создать условій, способныхъ подготовить почву для возможности развитія произвола или властолюбія со стороны какихъ-либо членовъ Церкви, особенно необходимо не забывать истинную идею Церкви. Вѣдь и члены іерархіи не могутъ считать себя внѣ вліянія грѣховности и не допускать возможность нечистоты и неправильности своихъ дѣйствій. Великій свѣтильникъ Церкви, св. Іоаннъ Златоустъ, обращалъ вниманіе, что многіе домогаются епископства не какъ обязанности управлять другими и заботиться о братіяхъ, а какъ чести и покойной жизни. Подобно этому, напримѣръ, и св. Исидоръ Пелусіотъ утверждалъ, что при желаніи епископства многіе упоены любоначаліемъ и хотя не вожделѣваютъ добродѣтели, но начальства домогаются [2]).

Если вспомнить затѣмъ картины церковной жизни, описываемыя св. Василіемъ Великимъ и св. Григоріемъ Богословомъ, то придется отмѣтить, что въ самомъ развитіи еретическихъ движеній, столько бѣдъ причинявшихъ Церкви, значительную роль играли стремленія разныхъ духовныхъ лицъ къ первенству и власти. Одну изъ характеристическихъ чертъ тогдашняго печальнаго положенія Василій Великій усматриваетъ, напримѣръ, въ какомъ-то неисцѣльномъ бѣсованіи честолюбія въ тѣхъ, которые на церковныхъ корабляхъ, при чемъ они не оставляютъ между собой спора о первенствѣ и тогда, когда карабль уже погружается въ глубину [3]).

Св. Иларій Пиктавійскій, при изслѣдованіи о борьбѣ съ аріанствомъ и отношенія къ ней духовенства и народа, приходитъ къ заключенію, что уши народа святѣе, чѣмъ сердца іерарховъ [4]). А при

[1]) Творенія св. Исидора Пелусіота Письмо 316 Творенія св оо. 1860 г Кн. 2.
[2]) Ibid.
[3]) Творенія Василія Великаго. О св. Духѣ къ Амфилохію. Глава XXX.
[4]) Противъ Авксентія.

такихъ условіяхъ кто-же рѣшится отрицать вообще возможность со стороны іерархіи произвола и дѣятельности, несогласной съ интересами Церкви? Поэтому, только при допущеніи активнаго участія въ дѣлахъ Церкви всѣхъ ея членовъ и мірянъ, можно устроить правильную организацію церковной жизни и обезпечить ее отъ развитія произвола и значительнаго уклоненія отъ нормы, раскрываемой въ св. Писаніи.

Если-бы кто пожелалъ затѣмъ коснуться и вопроса объ осуществленіи устройства церковнаго управленія, требуемаго самой идеей христіанской Церкви, то необходимо было-бы отдать себѣ въ немъ отчетъ и съ юридической точки зрѣнія, которая стремится осмысливать и вырабатывать формы государственной и общественной жизни, наиболѣе пригодныя для тѣхъ или иныхъ условій и потребностей. Съ этой точки зрѣнія, церковное управленіе придется отнести къ разряду формъ самоуправленія, т.-е. отнюдь не къ государственно-бюрократическому, а къ управленіямъ черезъ посредство самихъ заинтересованныхъ лицъ. Вѣдь, церковное управленіе, въ обширномъ смыслѣ, не можетъ быть результатомъ произвола или даже единоличнаго усмотрѣнія іерархіи, а должно болѣе или менѣе отражать на себѣ самосознаніе и волю всей Церкви даннаго мѣста. Въ немъ каждый вѣрующій, въ той или иной формѣ и степени, имѣетъ право и долженъ принимать извѣстное участіе или непосредственно, или черезъ особаго рода выборныхъ лицъ. Всего этого требуетъ и самая идея соборности, столь неразрывно связанная съ понятіемъ христіанской Церкви Подобныя соображенія оказываются не чужды и представителямъ богословской науки. Напримѣръ, проф. Московской Духовной Академіи П. В Тихомировъ находитъ возможнымъ прямо утверждать, что идея соборности тождественна съ идеей самоуправленія. Гдѣ нѣтъ послѣдняго, тамъ нѣтъ и соборности [1]).

Такимъ образомъ, необходимость активнаго участія мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ вообще выступаетъ передъ нами вполнѣ ясно. Да оно уже достаточно обнаружило себя и въ прошломъ Церкви, а съ этимъ прошлымъ, вслѣдствіе непрерывности церковной жизни, связаны и мы. Въ прошлой исторіи Церкви мы безъ труда можемъ найти, по вопросу о значеніи мірянъ, достаточныя указанія, которыя могутъ быть приняты во вниманіе и въ наши дни. Если-же, съ теченіемъ времени, участіе мірянъ уменьшилось и перешло къ государственной власти, то это должно быть признано явленіемъ ненормальнымъ. Исторія, напримѣръ, русской Церкви ясно показываетъ, какъ вредно отразилось это на всемъ ходѣ церковной жизни въ Россіи.

Стремленія возвысить значеніе іерархіи въ Церкви на счетъ остальныхъ ея членовъ и низвести значеніе мірянъ до послѣдней воз-

[1]) Каноническое достоинство реформы Петра Великаго. „Богословскій Вѣстникъ“ 1904 г., январь.

можной степени повело къ тому, что въ, такъ называемыхъ, „Постановленіяхъ Апостольскихъ“ роль мірянъ въ церковномъ организмѣ приравнена къ хвосту. „Несправедливо,—говоритъ авторъ,—чтобы ты, епископъ, будучи головою, внималъ хвосту, т.-е. мірянину“ [1]). Но подобные толкователи роли мірянъ въ Церкви, вѣроятно, совершенно забыли, что церковный организмъ есть Тѣло Христово и приставлять къ Тѣлу Христа хвостъ, значитъ оскорблять Христа и извращать самую идею Церкви. Вотъ, до какихъ сравненій можетъ доводить желаніе подорвать значеніе мірянъ въ дѣлахъ Церкви'

Въ наши дни, когда столь ясно назрѣла потребность коренныхъ преобразованій почти во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія, особенно нужно помнить, что при церковной реформѣ прежде всего должно быть возстановлено подобающее значеніе мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ и не иначе, какъ при ихъ участіи, производима самая реформа. Въ противномъ случаѣ, реформа не только не улучшитъ церковную жизнь, но можетъ вызвать въ ней другое зло. Освобожденіе Церкви отъ государственно-бюрократическаго элемента безъ возстановленія достаточнаго значенія мірянъ легко можетъ повести къ другой не менѣе опасной крайности—клерикализму. А клерикализмъ при указанномъ духѣ времени можетъ быть особенно вреденъ для правильнаго теченія церковной жизни. Кромѣ того, разстройство въ церковной жизни, какъ мы видѣли, обнаруживается также разъединеніемъ духовенства и мірянъ и отпаденіемъ отъ Церкви значительной части образованнаго общества. Уже одно это должно побуждать сдѣлать предполагаемую церковную реформу не дѣломъ только духовенства и правительства, но и предметомъ возможно широкихъ обсужденій и совѣщаній съ привлеченіемъ мірянъ къ самому дѣятельному съ ней участію.

Старающіеся привести церковную жизнь въ порядокъ должны, какъ справедливо писали св. Кипріану Карѳагенскому представители тогда еще православнаго римскаго духовенства, желать самыхъ обширныхъ совѣщаній и быть „всячески осторожны въ совѣщаніяхъ, чтобы потомъ всѣ не признали чего-либо недѣйствительнымъ, когда оно будетъ сдѣлано не такъ, какъ должно [2]).

Всякій произволъ, поспѣшность, недостаточная обдуманность и рѣшенія при закрытыхъ дверяхъ, по свидѣтельству опыта исторіи, нигдѣ столь не опасны, какъ въ дѣлѣ церковныхъ преобразованій.

18 февраля 1905 года сама Верховная Власть провозгласила необходимость извѣстнаго участія въ государственномъ управленіи обле-

---

[1]) Постановленія Апостольскія. Книга II, глава XIV. Казань. 1864 г На сборникъ этотъ, хотя и со слѣдами полуаріанства, нерѣдко ссылаются по вопросамъ объ устройствѣ древней церковной жизни, и во многихъ случаяхъ онъ хорошо ее обрисовываетъ.

[2]) Творенія св. Кипріана. Письма. Ч. I. № 43.

ченныхъ довѣріемъ народа и избранныхъ имъ людей. Нѣтъ никакихъ основаній не распространить это и на сферу управленія церковно-государственнаго, относительно котораго участіе народа тѣмъ болѣе необходимо, что дѣла церковныя, по преимуществу, общенародныя, и участіе въ нихъ всѣхъ членовъ Церкви вполнѣ соотвѣтствуетъ ея идеѣ и особенно настоятельно требуется запросами нашего времени.

Было-бы большимъ несчастіемъ для Русской Церкви, если-бы предполагаемый и дѣйствительно столь необходимый для нея Помѣстный Соборъ состоялся безъ достаточнаго участія мірянъ. Если, вмѣсто всецерковнаго собранія, требуемаго самымъ понятіемъ соборности, Соборъ этотъ окажется лишь обширнымъ съѣздомъ духовенства, то ожидаемыя отъ него важныя рѣшенія легко могутъ быть не признаны за голосъ всей Русской Церкви и не получатъ надлежащаго авторитета въ глазахъ народа, а это можетъ подать поводъ къ большимъ церковнымъ несогласіямъ и новымъ раздѣленіямъ. Только самъ Помѣстный Соборъ, созванный осмотрительно и въ должномъ составѣ, и можетъ явиться достаточно компетентнымъ органомъ для разрѣшенія вопросовъ о церковномъ устройствѣ въ Россіи. На соборѣ этомъ и должно впервые проявиться во всей полнотѣ столь нужное намъ начало соборности. Не къ возстановленію патріаршества, особенно въ его древне-русскомъ видѣ, *уничтоженнаго не безъ серьезныхъ основаній*, должны стремиться нынѣшніе члены православной Церкви въ Россіи, а къ прочному проведенію въ нее начала соборности. Только начало соборности, правильно раскрытое, согласно съ ученіемъ Апостоловъ и обнаруженіемъ его въ исторіи древней Церкви, способно сообщить и будущему Собору и новой организаціи церковнаго управленія надлежащую широту пониманія и должную непосредственную связь съ самой окружающей жизнью. Если-же попрежнему допустить смѣшеніе этого начала съ идеей коллегіальности, въ какой-бы формѣ она ни проявилась, съ патріархомъ-ли во главѣ или безъ него, то отъ этого едва-ли произойдетъ ожидаемое исправленіе церковной жизни. Коллегіальность, какъ показалъ надежный учитель—опытъ исторіи, нисколько не гарантируетъ церковное управленіе отъ разрыва съ потребностями дѣйствительной жизни и не можетъ предохранить его отъ развитія вліянія въ немъ какихъ-либо частныхъ интересовъ и даже вовсе чуждыхъ ему цѣлей.

Противъ патріаршества не могутъ не свидѣтельствовать также и тѣ крайне вредныя для Церкви ненормальныя отношенія, которыя установились между высшей іерархіей и бѣлымъ духовенствомъ. Нечего скрывать, что въ настоящее время архіерейская власть обыкновенно чувствуется подчиненнымъ духовенствомъ какъ что-то внѣшнее, не затрагивающее душу и не выходящее изъ предѣловъ начальственныхъ отношеній высшаго чиновника къ низшему, а иногда эта власть

ощущается и прямо какъ гнетъ, вызывающій скрытую непріязнь и разрушающій всякую возможность столь необходимаго нравственнаго общенія съ архипастыремъ. Самымъ вѣрнымъ и, по нашему мнѣнію, единственнымъ средствомъ исправить это зло можетъ служить опять лишь организація церковной жизни и управленія на началѣ соборности. Оно одно способно нравственно объединить общею цѣлью епископовъ, духовенство и народъ, и при немъ каждый, какой-бы степени священства и званія онъ ни былъ, всего скорѣе можетъ являться не только объектомъ для начальствованія, но и въ качествѣ живаго сочлена единой Христовой Церкви.

Такимъ образомъ, уже съ самыхъ первыхъ шаговъ, еще и въ періодъ подготовленія церковной реформы, всякіе бюрократическіе пріемы, хотя-бы и со стороны самой іерархіи, должны быть навсегда оставлены. Не мало новыхъ бѣдъ могло-бы произойти, если-бы іерархія стала теперь въ дѣлѣ преобразованія всего церковнаго строя на Руси руководствоваться разными многочисленными бюрократическими привычками и соображеніями, напримѣръ, что міряне мало понимаютъ настоящіе интересы Церкви, что они, разумѣется, должны думать то-же самое и что все, предполагаемое іерархіей, рѣшено уже всѣмъ тѣломъ Церкви per acclamationem.

Если, наконецъ, имѣть въ виду послѣдствія предстоящихъ отмѣнъ всякихъ ограниченій въ сферѣ религіозной, то приходится признать необходимость для православной Церкви въ Россіи, бо́льшую, чѣмъ когда-либо,—начать жить всею полнотою своей жизни и въ основаніе своего устройства положить древнее соборное начало. Никакая часть церковнаго организма отнынѣ не должна быть болѣе попираема или находиться въ состояніи ослабленія Только при этихъ условіяхъ Церковь всего лучше можетъ выступить передъ сознаніемъ общества во всей своей высотѣ и истинности и этимъ самымъ надежнымъ путемъ удерживать въ себѣ всѣхъ прежнихъ членовъ и привлекать въ свои нѣдра новыхъ.

Однимъ словомъ, въ настоящее время всѣ міряне, не могущіе оставаться равнодушными ко благу Церкви, должны возможно скорѣе объединиться и стараться возстановить свойственное имъ значеніе въ дѣлахъ церковныхъ. Наступившій историческій моментъ ясно требуетъ этого... Если пропустить этотъ моментъ и во-время не ввести заботы о благѣ Церкви въ кругъ интересовъ личныхъ и общественныхъ, то при пробужденіи въ Россіи самосознанія и самодѣятельности въ разныхъ другихъ сферахъ жизни, церковные интересы легко могутъ еще сильнѣе заглохнуть и сдѣлаться еще болѣе чуждыми свѣтскому обществу...

Редакторъ-издатель **Сергѣй Шараповъ.**

Библиотека ООН
Академии Наук СССР